

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Марсианка Подкейн
Гражданин Галактики

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

**Марсианка Подкейн.
Гражданин Галактики (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1963, 1962

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хайнлайн Р. Э.

Марсианка Подкейн. Гражданин Галактики (сборник) /
Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус», 1963, 1962 — (Звезды
мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-14957-1

В романе, открывающем этот том классика мировой фантастики, рассказана история Подкейн Фрайз, гражданина Марсианской Республики, девочки, отправившейся со своим братом Кларком и дядей Томом в путешествие на Землю транзитом через Венеру – путешествие вполне предсказуемое, но завершившееся с непредсказуемым результатом. Второй роман («Гражданин Галактики») повествует о жизни Торби, земного мальчика, в раннем детстве похищенного космическими работниками, но сбросившего невольничьи оковы и проложившего себе дорогу к звездам. И тот и другой роман публикуются в новой редакции. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-14957-1

© Хайнлайн Р. Э., 1963, 1962
© Азбука-Аттикус, 1963, 1962

Содержание

Конец эпохи деколонизации	6
Марсианка Подкейн	8
Глава 1	9
Интерлюдия	12
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	22
Интерлюдия	29
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	47
Глава 9	59
Глава 10	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Роберт Хайнлайн Марсианка Подкейн Гражданин Галактики

Robert A. Heinlein

PODKAYNE OF MARS

Copyright © 1962, 1963 by Robert A. Heinlein, 1990 by Virginia

Heinlein, copyright assigned 2003 to The Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust

CITIZEN OF THE GALAXY

Copyright © 1957 by Robert A. Heinlein

All rights reserved

Серия «Звезды мировой фантастики»

Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold) за активную помощь при подготовке книги.

© С. Барсов, перевод, 2018

© А. Шаров (наследники), перевод, 2018

© С. В. Голд, предисловие, послесловие, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Конец эпохи деколонизации

Сепаратистские настроения на колонизованных планетах, вызванные недалёковидной политикой земной администрации, вылились в 70-х годах в вооружённые восстания и парад суверенитетов – Луна, Венера и Марс освободились от земного влияния и пошли в будущее собственным путем. Это на долгие годы прервало регулярные космические сообщения и затормозило освоение Солнечной системы.

Прошли годы, и центробежные силы стали затухать. В колониях выросло новое поколение, не участвовавшее в боевых действиях и не сталкивавшееся с земной политикой. В его глазах колыбель человечества уже не была империей зла – Земля стала ещё одной чужой планетой, любопытной, экзотической, но не несущей угрозы. С годами изменились и взгляды старшего поколения, насущные экономические, технологические и демографические потребности постепенно разъедали изоляционизм, вынуждая колонистов делать то одну, то другую уступку. Ну а непрерывный приток добровольных эмигрантов незаметно разбавлял население колоний выходцами с Земли, у которых не было особых причин ненавидеть материнскую планету, – вместе с ними колонии импортировали не только рабочие руки и свежий генетический материал, но и бесчисленные родственные и дружеские связи. Для этих людей Земля долгие годы оставалась родиной и покинутым домом, а не оппонентом в малопонятном политическом противостоянии.

Однако симпатии (или даже нейтральное отношение к материнской планете) никак не устраивали политических лидеров колоний, они зафиксировали отношения с бывшей метрополией трехсторонним договором, позволяющим Венере и Марсу противостоять земной гегемонии и по возможности заморозить экономическое и политическое проникновение Земли на минимально допустимом уровне.

Впрочем, в начале следующего столетия этот барьер начал противоречить не только внутренним потребностям колоний, но и потребности человечества в целом. Зона Фронтiera смещалась все дальше в космическое пространство, и три планеты вот-вот должны были превратиться из окраин человеческой цивилизации в ее глубинку. Суверенитеты объективно мешали экспансии – перед прыжком к звездам цивилизация должна была сгруппироваться и объединить ресурсы всей Системы.

Марс изначально был и оставался слабейшим звеном среди бывших колоний. В отличие от Венеры, экономическую независимость которой обеспечивали урановые голконды и эльдорадо, и Луны, ставшей безальтернативным космическим перевалочным пунктом и одновременно поставщиком продовольствия, Марс не мог похвастаться ни природными, ни геологическими богатствами. Предыдущая марсианская цивилизация полностью истощила ресурсы планеты, а терраформирование поглотило скудный бюджет Марсополиса на десятилетия вперед. Почти столетие земная колония, по сути, паразитировала на обломках древней цивилизации, пыталась конвертировать марсианские технологии в человеческое производство и превратить древние руины в туристические аттракционы. Среди планет Солнечной системы Марс был обречен занимать положение бедного родственника. Изменить ситуацию могли только радикальные перемены – более тесная конфедерация с бывшими колониями, превращавшая их в полноценный экономический и политический союз, или выход из рамок договора и коалиция с Землей.

Попытки обсуждения второго пути в марсианских политических кругах немедленно встречали в штыки бывшие революционеры. Они все еще помнили времена земного правления и понимали, что этот путь аннулирует результаты Революции. Первый вариант, создание из бывших колоний зародыша нового государственного образования, тоже мало кого устраивал. Он означал ослабление суверенитета, снижение таможенных барьеров и приход на рынок

иностранных конкурентов. Для людей, некогда поднявших знамя сепаратизма, эти перемены также были чересчур радикальными. В определенном смысле марсианский парламент сплошь населяли «ястребы» – при полном отсутствии «голубей», и разница между ними была только в том, когда и кого клевать.

Бывшие революционеры, в свое время утвердившие следом за Декларацией независимости Дуэльный кодекс как одну из базовых норм социальной жизни, постепенно сформировали в парламенте непримиримые фракции, и в начале XXII века вопрос стоял только в том, когда и где прольется первая кровь.

До объединения планет Солнечной системы под властью императора и начала формирования Терранской Гегемонии оставалось немногим более ста лет.

В конечном итоге бывшие колонии были вынуждены поступиться частью суверенитета ради объединенного рывка к звездам. Потомки марсианских колонистов отправились осваивать новые миры, унося с собой память о завоеванной свободе. Но демографическое давление вышвырнуло в космос куда больше людей совсем иного сорта – они происходили из древних депрессивных регионов и несли с собой дремучие суеверия, вековые предрассудки и, главное, – умение подчиняться обстоятельствам. Центробежные силы вновь приходили в движение и порождали новых сепаратистов. В изолированных космических анклавах они изобретали или воспроизводили самые причудливые социальные конструкции. Затем история человечества начинала следующий поворот, и десятилетия изоляции сменялись периодами активных контактов. На просторах космоса сталкивались культуры, идеологии и экономические системы – и тогда за дело брались генералы, политики и герои. Люди, вознесенные ходом истории или растертые ею в порошок. Жернова истории вращаются неумолимо, и самое ужасное то, что в них попадают не только генералы, политики или герои, но и обыкновенные дети. И ничего с этим поделать нельзя, потому что перед лицом истории все равны – взрослые и дети, колонны и колонисты¹.

С. В. Голд

---

¹ «Хайнлайн в картинках».

Марсианка Подкейн
Ее жизнь и время

Гейл и Астрид

Глава 1

Всю жизнь я мечтала слетать на Землю. Не жить там, конечно, а просто посмотреть. Всем известно: Терра – чудесное место для всяких-разных экскурсий, но не для того, чтобы там жить. Для людей она не очень-то подходит.

Лично я не верю, будто человечество произошло с Земли. Ну, то есть можно ли полагаться на доказательства в виде пары фунтов древних костей и мнения кучки антропологов, которые между собой-то не могут договориться, если вся эта чушь элементарно противоречит здравому смыслу?

Сами посудите: сила тяжести на Терре явно велика для человека и, как известно, вызывает плоскостопие, грыжи и сердечную недостаточность. Солнечная радиация на Терре моментально валит с ног незащищенного человека – вы когда-нибудь слышали о живых существах, которым требуется защита от их якобы естественной среды обитания, чтобы она их не угробила? А уж земная экология...

Ерунда все это. Мы, люди, просто *не могли* зародиться на Земле, да и на Марсе, признаться, тоже, хотя нынешний Марс ближе к идеалу, чем прочие планеты Системы. Может быть, нашей прародиной была погибшая планета? Но моя родина – Марс; я всегда буду помнить его и всегда буду на него возвращаться, куда бы меня ни забросило. А я собираюсь далеко, очень далеко.

Но сперва я хочу слетать на Землю – посмотреть, как, во имя всех святых, восемь миллиардов людей могут жить буквально друг на друге (половина Терры малоприспособлена для проживания). Но больше всего я хочу увидеть океан... с безопасного расстояния. Океан – это что-то невероятно фантастическое. Меня в дрожь бросает, как пытаюсь представить. Все это невообразимое количество воды, и никаких берегов. И такая глубина, что, если упасть в воду, она покроет тебя с головой. Невероятно!

И теперь мы туда отправляемся!

Наверное, пора уже представить нас, семейство Фрайз, я имею в виду. Меня зовут Подкейн Фрайз, для друзей – просто Подди. Если хотите, можем подружиться. Пол – женский, возраст – юный; сейчас мне чуть больше восьми лет. Как говорит дядя Том, до всяких глупостей уже доросла, а до замужества еще нет. Все верно, ведь марсианская гражданка может подписать неограниченный брачный контракт без согласия опекуна в свой девятый день рождения. Мой рост без каблучков – 157 сантиметров, вес – 49 килограммов. «Пять футов, два дюйма и голубые глаза», как зовет меня Па. Он историк и романтик, а вот я совсем не романтичная; когда мне исполнится девять лет, я не буду спешить с браком, даже ограниченным. У меня другие планы.

Я вовсе не против замужества и не думаю, что у меня будут проблемы с тем, чтобы подцепить мужчину, какого захочу. В этих записках можно быть откровенной – зачем скромничать, если никто их не прочтет, пока я не стану старой и знаменитой, а до тех пор я десять раз успею переписать все набело. Но я все-таки подстраховываюсь: пишу по-английски старомарсианским шрифтом. Па мог бы разгадать этот шифр, но он никогда не тронет моих бумаг без разрешения. Он умница и не опекает меня по мелочам. А вот мой братец Кларк вполне может сунуть сюда нос. К счастью, он считает английский мертвым языком и, уж конечно, не станет забивать мозги старомарсианским письмом.

Может, вам попадалась такая книга: «Одиннадцать лет. Адаптационный кризис переходного возраста у мальчиков». Я прочла ее в надежде, что она поможет справиться с братцем. Кларку всего шесть, но книга-то написана на Земле, и «одиннадцать» в заголовке – это земные годы. Если вы возьмете его реальный возраст и умножите на переводной коэффициент 1,8808, то увидите, что моему братцу ровно одиннадцать земных лет-недомерков.

Эта книга мне мало чем помогла. Автор рассуждал о «смягчении перехода в социальную группу», а Кларк, похоже, пока не собирается присоединяться не только к группам, но и ко всему роду человеческому. Он, скорее, выдумает способ разнести Вселенную вдребезги, чтобы полюбоваться взрывом. Поскольку отвечать за него приходится мне, а его ай-кью² – 160 (против моих 145), нетрудно догадаться, что мне приходится использовать все свои преимущества, зрелость и старшинство, на полную катушку. Пока что я вывела для себя правило: «Всегда будь начеку и никаких компромиссов». И обращаюсь с Кларком соответственно.

Но вернемся ко мне. Если смотреть по родословной, я – колониальная полукровка, но во внешности у меня доминирует шведская кровь с пикантной капелькой полинезийской и азиатской. У меня довольно длинные ноги, окружность талии – 43 сантиметра, а груди – 90, причем, будьте уверены, это не только грудная клетка (хотя мы, потомки первых колонистов, склонны к гипертрофии легких), осталось место и для расцветающих вторичных половых признаков. Добавлю, что я натуральная блондинка с вьющимися волосами и я – симпатичная. Не красавица – Пракситель не взглянул бы на меня второй раз, – но настоящая красота отпугивает людей или делает их совершенно неуправляемыми, а вот симпатичная внешность – качество ценное, если с умом ею пользоваться.

Еще года два назад я горевала, что не родилась мужчиной (ввиду моих амбиций), но потом сообразила, что все это глупости и жалеть об этом – все равно что мечтать о крыльях за спиной. Как говорит мама, работать надо с тем, что есть под руками... И я нашла, что мои подручные материалы вполне меня устраивают. Я почувствовала, что мне *нравится* быть женщиной: гормональный баланс у меня в порядке, я вполне приспособлена к среде, а она – ко мне. Я довольно умна, но не кичусь этим, у меня большой рот и курносый нос. Когда мне нужно выглядеть сконфуженной, я его морщу, и мужчины, как правило, тут же бросаются мне на помощь, особенно те, кто вдвое старше. Образно говоря, баллистическую траекторию лучше всего рассчитывать не на пальцах.

Такова я, Подди Фрайз, свободный гражданин Марса, женщина, в будущем – пилот, а потом – командир исследователей глубокого космоса. Ищите мое имя на первых полосах.

Мама в два раза меня красивей и выше, чем я когда-либо вырасту, она вообще как Валькирия, которая вот-вот ускачет на небо. Ее лицензия главного инженера по строительству наземных и орбитальных тяжелых конструкций действительна во всей Системе, а за участие в перестройке Фобоса и Деймоса маму наградили медалью Гувера с инкрустацией и офицерским Крестом Христианского ордена. Но она нечто большее, чем обычный технарь с длинными волосами. У нее есть светские манеры, которые она легко может варьировать в пределах от чарующей дружелюбности до леденящей неприступности, смотря по обстоятельствам. У нее куча почетных дипломов, и время от времени она публикует маленькие шедевры, вроде «Принципы проектирования связанных многослойных структур под давлением с учетом радиационного воздействия».

Работа часто отрывает маму от дома, и мне волей-неволей приходится опекать братца. Я утешаюсь тем, что для меня это хорошая практика: как же я буду заправлять космическим кораблем, если не смогу приручить шестилетнего дикаря. Мама говорит, что начальник, который лупит подчиненных по голове гаечным ключом, видимо, занят не своим делом, поэтому я пытаюсь управляться с нашим юным нигилистом, не прибегая к силе. Кроме того, вразумлять Кларка силой довольно затруднительно – весит он не меньше меня и при этом не брезгует грязными приемами.

Мы с Кларком появились на свет именно из-за маминой работы на Деймосе. Она твердо решила закончить строительство в срок, а папа, выпускник Арес-университета и гуггенхаймовский стипендиат, с еще большим упорством дрался за каждый камешек древних марсиан-

---

² Ай-кью – коэффициент интеллекта.

ских строений, и ему было наплевать на строительство и его сроки. Папа с мамой так враждовали, что вскоре уже не могли жить друг без друга. В конце концов они поженились, а потом пошли дети.

Па и мама – это Джек Спратт и его жена³: его интересует прошлое, а ее – будущее; она ведь сама его строит. У Па есть звание профессора земной истории университета Ван Лун, но его настоящая любовь – история Марса, особенно то, что было пятьдесят миллионов лет назад. Но не подумайте, Па не какой-нибудь засушенный книжный червь, занятый только высокими материями. Ему еще не было моих лет, а он уже сражался за Революцию и потерял руку во время ночного штурма здания Компании. Но и с одной рукой он стреляет без промаха.

И наконец, последний член нашего семейства – дядя Том, брат моего деда по отцовской линии. Сам себя он называет нахлебником. Действительно, за работой его увидишь не часто, но ведь он состарился еще до моего рождения. Как и папа, он ветеран Революции, бывший главнокомандующий Марсианского легиона, а сейчас он сенатор Республики с особыми полномочиями. Но похоже, он отошел и от политики, и от легиона, и от работы в выборных органах. Вместо этого дядя ошивается в Клубе лосей, где играет в пинокль с другими реликтами славного прошлого. Пожалуй, из нашей семьи он мне ближе всех: он не такой целеустремленный, как мои родители, и не так занят; у него всегда есть время поболтать со мной. К тому же в его характере есть черта, отмеченная печатью первородного греха, благодаря чему он с сочувствием относится к моим проблемам. Правда, он говорит, что в моем характере есть эта же черта, причем гораздо шире, чем у него. Ну, тут я останусь при своем мнении.

Вот такая у меня семья, и все мы собираемся слетать на Землю. Ой, я забыла еще троих детей. Но они, пожалуй, не считаются, то-то я о них и не вспомнила. Когда папа с мамой поженились, совет ДЭГ (демография, экология, генетика) дал им разрешение на пятерых детей. Им разрешили бы и семерых, если бы они попросили. Как нетрудно догадаться, мои родители весьма высоко котируются среди прочих граждан, даже среди колонистов нашей планеты, которые происходят из самых отборных, самых рафинированных семей или сами такие семьи основали.

Но мама твердо заявила совету, что пятеро детей – максимум, на больше у нее времени не хватит, и родила всех нас в самые сжатые сроки. При этом она работала в бюро планетной инженерии, чтобы не умереть со скуки. А потом заморозила одного за другим всех своих детишек, так быстро, как только было можно. Всех, кроме меня, потому что я была первенцем. Кларк два года провел при глубоком минусе, а то был бы моим ровесником. Конечно, время гibernации не считается: официально Кларк родился в тот день, когда его разморозили. Помню, я страшно ревновала. Мама тогда вернулась с разведки Юноны и сразу же занялась Кларком, а мне это казалось ужасной несправедливостью.

Тогда дядя Том мне очень обстоятельно объяснил нашу ситуацию – я часы просиживала у него на коленях, – и с тех пор я не ревную к Кларку, а просто отношусь к нему настороженно.

Так что под зданием яслей в Марсополисе дожидаются своего часа Гамма, Дельта и Эпсилон. Вернувшись с Земли, мы разморозим кого-то из них и дадим настоящее имя. Мама хочет разом ревитализовать Гамму и Эпсилон и воспитывать, как двойняшек (они девочки), а мальчика Дельту запустить не раньше, чем девочки научатся помогать по дому. Папа же говорит, что это несправедливо: Дельта имеет все права быть старше Эпсилон по естественному праву первородства. А мама отвечает, что это – благоговение перед прецедентом и недурно бы папе оставлять эти пережитки прошлого в кампусе, а не тащить домой.

Папа говорит, что у мамы нет ни капли сентиментальности, а мама соглашается и говорит, что чувства только мешают решению задач, требующих рационального подхода.

---

³ Персонажи детского стишка, являвшие полную противоположность друг другу и вместе составлявшие гармонию.

«Ладно, тогда будем рациональны, – говорит Па. – Старшие сестры или подавят личность мальчика, или вконец его избалуют».

Мама называет папину гипотезу ненаучной и необоснованной. Па говорит, что она собирается увильнуть от своих обязанностей, подменив воспитание серийным производством, и мама радостно соглашается с этим, а потом спрашивает, почему бы не применять в семейной жизни апробированные технологические принципы?

Па оставляет вопрос висеть в воздухе. Он кивает маме задумчиво, мол, две маленькие, одинаково одетые девочки – это было бы симпатично... Назвать их надо будет Маргарет и Маргаритой, а в домашнем обиходе звать Пэг и Мэг. Кларк тогда шепнул мне: «Зачем их вообще размораживать? Не лучше ли забраться туда ночью и открыть вентили, типа такой несчастный случай?»

Я велела ему прополоскать рот синильной кислотой и посоветовала не говорить ничего такого при папочке. Представляю, какую трепку задал бы ему папочка. Хотя он и историк, но строго следует самым новым, самым прогрессивным теориям детской психологии: всякий раз, когда нужно, чтобы урок не забылся, он закрепляет информацию в коре больших полушарий при помощи болевых ощущений. «Пожалеешь розгу – испортишь ребенка», – говорит он.

Я с величайшей готовностью усваиваю новые навыки. Очень рано я научилась предвидеть неприятные случайности и избегать приложения к себе папочкиной педагогики вкупе с его рукой. Другое дело – Кларк: если его не треснуть дубинкой, он и внимания на вас не обратит.

В общем, дело идет к тому, что скоро у нас будут сестрички-двойняшки. Но меня это не колышет – для девушки моих лет вполне достаточно одной подростковой травмы в виде братца Кларка. Когда они вырастут настолько, чтобы досаждают мне, я уже буду довольно далеко.

Интерлюдия

Привет, Под!

Ты, значит, возомнила, что я не смогу прочесть твои закорючки? Много ты обо мне знаешь! Так вот, Подди (о, простите, я хотел сказать – капитан Подкейн Фрайз, Славный Разведчик Дальнего Космоса, Повелительница Мужчин)... так вот, дорогая капитан Подди, надо думать, ты никогда этого не прочтешь – тебе и в голову не придет, что я разгадал твой «шифр» и пишу комментарий на широких полях твоего мемуара.

К твоему сведению, дорогая сестрица, я читаю на старом английском не хуже, чем на орто Системы. Не так уж это трудно. Я его выучил, когда обнаружил, что миллионы интересных книг, которые я хотел прочитать, никогда с него не переводились. Свои таланты я предпочел держать в рукаве: так оно спокойнее, а то кто-нибудь непременно запретит тебе заниматься любимым делом. Старшая сестра, например.

Подумать только, простую подстановку ты величаешь «шифром»! Если бы ты, Подди, взаправду умела писать на старомарсианском, это задержало бы меня немного дольше. Но ты не умеешь! Бог мой, ведь даже Па не может свободно на нем писать, а уж он-то знает о старомарсианском больше, чем кто-либо в Системе.

А вот мой шифр тебе нипочем не разгадать – у меня его попросту нет.

Попробуй-ка взглянуть на эту страничку в ультрафиолете, под кварцевой лампой например.

Глава 2

О, это неописуемо!

Грязь в ушах и заусенцы! Платье наизнанку! Убиться об стенку!

МЫ НИКУДА НЕ ЛЕТИМ!

Сперва я подумала, что это новая грязная выходка моего хитроумного братца, но вскоре поняла, что обвинить его будет невозможно. (Спасибо хоть на этом.) Тут мало лелеять коварные планы, нужно вдобавок придумать и тайно построить машину времени. Конечно, Кларк и ее бы тишком построил, если бы смог... Хотя, с тех пор как он перенастроил робота-слугу, я уже ни в чем не уверена. Тот подавал Кларку по ночам невообразимые блюда и записывал их на мой кодовый номер. При этом было установлено, что гарантийную пломбу на контрольном блоке никто не трогал.

Никто и никогда не узнает, как Кларк умудрился все это проверить. Компания готова была все простить и даже выплатить некий бонус наличкой, если он согласится – если соизволит! – рассказать, каким образом он совратил с пути истинного их стопроцентно надежную машину. Но Кларк только смотрел в пустоту и упорно молчал. Так что оставались лишь косвенные доказательства его вины, хотя любой, кто знает нас с братом (Па и мама, например), признает, что я просто не способна заказать мороженое с засахаренными леденцами под соусом «голландез» или... нет, лучше не вспоминать, а то стошнит. А вот Кларк метелит все, что не способно схарчить его самого, это все знают.

Но даже это психологическое доказательство никого бы не убедило, если бы, по счастью, записи в памяти робота не доказывали мое алиби: во время этих непристойных застолий я гостила у друзей в Большом Сырте, за тысячу километров от дома. Ну да что там вспоминать. Ни одной девушке не пожелаю такого подарка – Сумасшедшего Гения, вселившегося в младшего братца. Лучше пусть он будет тупым, вялым и не совсем нормальным созданием, пусть тихо сидит перед экраном видео и глазееет с открытым ртом на ковбойскую классику, не рассуждая, откуда берутся эти чудесные картинки.

Ну вот, опять меня увело от главного в этой трагической истории.

У нас не будет двойняшек.

У нас уже есть тройня.

Гамма, Дельта и Эпсилон, которые на протяжении всей моей прежней жизни были просто темами для разговора, теперь превратились в Грейс, Дункана и Элспет во крещении и, что хуже всего, во плоти. Если, конечно, Па опять не передумает до окончательной регистрации, а то у них уже было по три имени. Да что там имена!.. Главное, что они уже здесь, и для них к нашему дому пришлось приварить детскую. Три беспомощных недоделанных человечка – кожа у них розовая, как у канального червя, – и все почти одинаковые. Ручки-ножки дергаются, глазки не фокусируются, и сколько их ни мой, от них всегда тошнотворно пахнет кислым молоком, и этот запах проникает в каждую комнату. С одного конца от них исходят скрипучие звуки – так они индуцируют друг друга, а о том, что говорится на другом конце, лучше не вспоминать за столом. (Не помню момента, чтобы они все трое были сухими одновременно.)

И все же, несомненно, что-то исходит от этих маленьких созданий. Я бы легко могла полюбить их, если бы они не стали причиной моей трагедии. Уверена, Дункан уже начинает меня узнавать.

Но если я только начинаю мириться с их присутствием, то мамино отношение вернее всего определить как торжество атавистических инстинктов. Ее профессиональные журналы скапливаются непрочитанными, глаза у нее сияют, как у мадонны, она даже стала как-то шире и ниже ростом, и все это за какую-то неделю.

А это, значит, во-первых, ни с малышами, ни без оных ни на какую Землю она на полетит. Во-вторых, Па без нее тоже не полетит; на эту тему они с Кларком крупно поговорили.

В-третьих, без них и мы, то есть Кларк и я, никуда не полетим. Я-то вполне могла бы путешествовать самостоятельно. (Па согласен считать меня «молодой особой», физически и юридически, несмотря на то что до моего девятого дня рождения еще несколько месяцев.) Но все это только в теории – потому что меня не считают достаточно взрослой, чтобы взвалить на меня полную ответственность за братца. Не уверена, что мне этого хочется. Если нам случится быть за миллионы километров от родителей, я бы хотела иметь под рукой что-нибудь не менее убедительное, чем моргенштерн⁴, например. К тому же Па справедлив до абсурда: путешествие обещалось нам обоим, и он слышать не хочет о том, что полетит кто-то один из нас.

Конечно, справедливость – лучшая из родительских добродетелей, но в этом случае я бы, так уж и быть, смирилась с тем, что меня балуют и портят.

В общем, я уверена, что у Кларка нет припрятанной в шкафу машины времени, и вот почему: это невероятное совпадение, эта нелепая идиотская катастрофа ударила по нему не слабее, чем по мне.

Как же это случилось? Подсаживайтесь поближе, расскажу. Еще месяц назад, когда мы обсуждали, как полетим на Землю, все уже свершилось и только ждало часа, чтобы заорать нам в уши. Дело обстоит так: тысячи новорожденных младенцев ждут в яслях Марсополиса, когда родители удосужатся заняться милыми крошками. Ждут они в абсолютной безопасности, при температуре чуть выше абсолютного нуля.

Говорят (и я этому верю), что яслям нипочем даже прямое попадание ядерной бомбы. Лет через тысячу спасатели разберут развалины и найдут резервуары и действующую аппаратуру, которая морозила младенцев все это время с точностью до сотых долей градуса.

Поэтому мы, люди Марса (не «марсиане», заметьте себе; те – негуманоиды и почти все вымерли), как правило, рано вступаем в брак, заводим положенное число детей и откладываем их до лучших дней, когда появятся время и деньги для воспитания. Вот так мы обходим противоречие, которое портило жизнь людям Терры еще со времен промышленной революции, – между возрастом, оптимальным для биологического воспроизводства, и годами, когда социальное положение родителей позволяет дать потомству наилучшее обеспечение и воспитание.

Именно так поступила лет десять назад чета Брайз. Когда они поженились, ей только-только исполнилось девять лет, а ему – чуть больше десяти. Он учился на пилота, она слушала какой-то курс в Арес-университете.

Они подали заявку на троих детей, получили разрешение, сделали их и отложили до лучших дней. А сами продолжали учиться. Очень разумно.

Шли годы. Он летал пилотом, потом капитаном, а она сперва вела документацию на его корабле, а потом дослужилась до суперкарго; короче говоря, идиллия. Для тех, кто комплектует экипажи космических линий, супружеские пары – идеальный вариант.

Так вот, капитан Брайз и его миссис, отслужив свои десять с половиной (двадцать земных) лет, вышли в отставку с пенсией в половину жалованья и сразу же по радио распорядились раскупорить всех троих малышей.

Радиограмму в яслях получили, отстучали подтверждение и приступили к делу. Через пять недель счастливая чета получила своих крошек и вступила во вторую фазу семейной идиллии.

Это они так думали...

Но в ясли они сдали двоих мальчиков и девочку.

А получили двух девочек и мальчика – наших.

---

⁴ *Моргенштерн* – палица с острыми шипами.

Невероятно, но факт: они обнаружили это только через неделю. Я готова согласиться с тем, что в таком возрасте разница между совершенно новеньким младенцем-мальчиком и совершенно новенькой девочкой пренебрежительно мала. Но все же она есть. По-видимому, все произошло оттого, что у них было слишком много помощников: мамаша, свекровь, временная няня, добрая соседка, да тут еще масса забот, в общем, маловероятно, чтобы в эту первую неделю кто-то из этих помощников купал всех троих младенцев одновременно. Разумеется, сама миссис Брайз этого тоже не делала – до того дня, когда она вдруг надумала искупать их вместе... и обнаружила... и упала в обморок – и уронила одного из наших малышей в воду, тут бы ему и конец, если бы на ее вопль не прибежали мистер Брайз и добрая соседка.

Вот так у нас и появились тройняшки одного месяца от роду.

Юрист, представлявший ясли, очень туманно объяснил, как это произошло, – очевидно, ему совсем не хотелось обсуждать, каким образом их «надежная» система идентификации может привести к такой путанице. Их система опознавания считается надежной на все сто процентов; компьютеры, регистраторы, серийные номера, отпечатки ножек. Лично мне кажется, что в этой системе все же есть слабое звено. К примеру, один клерк вслух читает в радиограмме фамилию «Брайз», а другой набивает в машину «Фрайз», ну а машина честно доводит дело до конца.

Но представитель явился не для объяснений. Он просто изо всех сил старался, чтобы мама с папочкой не подали на них в суд – приняли чек, подписали отказ от претензий и согласились не предавать дело огласке.

Они потребовали сумму в три годовых маминых оклада, маленький адвокат проглотил это и, похоже, был счастлив.

Но никто не предложил компенсацию *мне* – за тяжелый урон, нанесенный моим надеждам, моим планам и всей моей жизни.

Кларк предложил вполне резонный, как ему думалось, выход – поменяться с Брайзами. Пусть, мол, они забирают тепленьких, а мы оставим за собой холодненьких и слетаем-таки на Землю.

Мой братец слишком эгоцентричен, чтобы чувствовать такие вещи, но Ангел Смерти в этот миг осенил его своими крылами. Наш Па – очень добрый человек... но в тот день на него свалилось больше, чем он мог выдержать.

На меня тоже. Я-то думала, что сегодня буду уже на пути к Земле. Это было бы мое первое путешествие за орбиту Фобоса. Но Фобос не в счет – это была обычная школьная экскурсия, своего рода медовый месяц для всего нашего класса.

Попробуйте догадаться, чем я вместо этого сейчас занимаюсь.

Знаете, сколько раз на дню приходится менять пеленки у троих детей?

Глава 3

Без паники! Двигателям – стоп! Стереть все записи! Рапорты опротестовать...

МЫ ВСЕ-ТАКИ ЛЕТИМ НА ЗЕМЛЮ!!!

Правда, не все. Остаются Па и мама, ну и тройня, конечно, тоже... Но... Нет, лучше расскажу все по порядку.

Вчера меня достало! Я как заведенная меняла малышам пеленки – как только я разбиралась с последним, первый снова был мокрый. Выть хотелось, стоило только представить, что в этот момент я должна была входить в салон-ресторан «Космопроходца» об руку с кем-нибудь из офицеров... или даже с капитаном, будь у меня шанс организовать такую *случайную встречу*, а затем пустить в ход свою коронную мину озадаченного котенка.

И на этом самом месте суровая реальность снова ткнула меня носом в пеленки. Это меня и доконало. «Авгиевы конюшни», – подумала я и заплакала.

Вошла мама, и я попросилась отдохнуть хоть пару часиков.

– Ну конечно, дорогая, – ответила она, даже не взглянув на меня.

Она тетешкалась с одним из младенцев и даже не заметила, что я плачу. Потом взялась перепеленывать младенца, причем того самого, которого я только что запеленала.

При этом она висела на телефоне и объясняла кому-то, что он не ошибся, что она действительно осталась на Марсе, но, несмотря на это, ни в какой комиссии она работать не сможет, даже в качестве консультанта, – она просто не может оставить малышей даже на десять минут, ей постоянно приходится возиться с одним из них.

Да, мама сильно изменилась. Похоже, она накоротко замкнула цепи коры больших полушарий и отдала себя во власть дремучих инстинктов. Она напоминала кошку, которая у нас была, когда я была еще маленькой. Мисс Полька Дот тогда принесла свой первый помет котят. Мисс Поки любила нас и доверяла во всем – кроме котят. Стоило кому-нибудь тронуть котенка, и она начинала беспокоиться. А уж если котенком хотели полюбоваться и доставали из ящика, тут же следом за ним выскакивала и мамаша, хватала его в зубы и с недовольным видом уволакивала назад в ящик. При этом она яростно виляла хвостом, красноречиво показывая, *что* она думает о безответственных людях, которые совершенно не умеют обращаться с младенцами.

Мама сейчас точно такая же. Мою помощь она принимает лишь по необходимости – с тройней слишком много забот. Сама она всерьез думает, будто без ее присмотра я толком не смогу даже взять младенца на руки.

Так что я оставила ее и последовала за своими дремучими инстинктами, которые повлекли меня искать дядю Тома.

Я нашла его в Клубе лосей, где он обычно обретался в это время дня, но мне пришлось дожидаться в дамской гостиной, пока он разделялся со своими партнерами по картам. Минут через десять он наконец вышел, пересчитывая толстую пачку купюр.

– Прости, что заставил ждать, – сказал он, – но я как раз объяснял согражданам концепцию неопределенности в законах теории вероятности, ну и пришлось задержаться, чтобы собрать плату за обучение. Ну а как твои дела, Подкейн?

Я хотела было рассказать все по порядку, но прямо-таки захлебнулась. Дядя вывел меня в парк под городским куполом, усадил на скамейку и купил нам обоим по пакетику воздушного шоколада. Я съела свою долю и большую часть его порции, пока глядела на звезды и рассказывала ему обо всем. После этого мне немного полегчало.

Он потрепал меня по плечу:

– Не вешай нос, детка. И запомни: никогда не бывает так плохо, чтобы не могло стать еще хуже.

Он достал из кармана фон и позвонил куда-то. Чуть погодя он сказал:

– Говорит сенатор Фрайз. Мне нужен директор. Не паникуйте, мисс, вызов неофициальный. – Через минуту он добавил: – Хайми? Это Том Фрайз. Как себя чувствует Джудит? Хорошо, хорошо... Хайми, сейчас я подъеду и запихаю тебя в один из ваших баков с гелием... Минут через пятнадцать или около того. Так что у тебя еще есть время смыться из города. У меня все. – Он сунул фон в карман. – Пойдем-ка перекусим. Никогда не вешайся натошак, моя милая, это вредно для желудка.

Дядюшка Том привел меня в Клуб пионеров. Я была там только один раз, давным-давно, и с тех пор клуб, кажется, стал еще респектабельнее. У них там живые официанты... такие старые, что сами вполне могли быть пионерами, а то и встречать здесь первый корабль с Земли. Все сустились вокруг моего дядюшки, а он называл их просто по именам, и они звали его просто «Том», но звучало это как «Ваше Величество». Сам хозяин подошел к нашему столику и принес мне десерт, а еще шесть официантов стояли наготове и подавали дяде все, что нужно, ну прямо как знаменитому хирургу во время ответственной операции.

Вскоре дядюшка Том рыгнул, деликатно прикрывшись салфеткой, всех поблагодарил, и мы вышли. Жалко, что дядя не предупредил меня заранее, тогда я надела бы свое бесподобное вечернее платье. Правда, мама строго запретила надевать его, пока мне не стукнет девять лет, но ведь не каждый день удается попасть в Клуб пионеров.

Потом мы спустились в скоростной туннель Джеймса Джойса Фогарти. Дядюшка Том сидел всю дорогу, пришлось и мне сесть. Вообще-то, я предпочитаю идти, а то и бежать по движущейся полосе – так раньше попадешь на место, но дядя Том сказал, что ему для поддержания тонуса вполне достаточно поглядеть, как другие упыхиваются вусмерть.

Я даже не догадывалась, что мы едем в ясли Марсополиса, пока мы не оказались у дверей, – настолько я была в прошлый раз ослеплена эмоциями. Перед дверью с табличкой «КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА. ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ» дядюшка Том сказал:

– Поброди где-нибудь неподалеку. Ты мне еще понадобишься, – и ушел.

В приемной было полно народу, а на столиках лежали только журналы «Ваш малыш» и «Современная домохозяйка», так что я поболталась-пошаталась и пошла по коридору, который, оказывается, вел в детскую.

Табличка на двери предупреждала, что посетители допускаются с 16:00 до 18:30, а сама дверь была заперта. Я пошла дальше и увидела еще одну дверь, которая выглядела более перспективно. На ней было написано: «ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН», но не уточнялось кому, и она не была заперта, поэтому я вошла.

Столько младенцев не увидишь и за целую жизнь!

Ряды, ряды и ряды прозрачных кубов с младенцами. Толком я могла рассмотреть только ближний ряд: все детишки были, наверное, одного возраста и куда больше походили на людей, чем наша троица. Они были маленькие, все в морщинках, словно печеные яблоки, и миленькие, как щенята. Многие спали, другие сучили ножками, ворковали, хватались за игрушки, подвешенные в их досягаемости. Не будь между нами стеклянной преграды, я бы нахватала полные руки детишек.

Еще в комнате было много девушек, то есть молодых женщин. Все они занимались с младенцами и меня не замечали. Но вдруг поблизости заплакал малыш, над его кубом зажегся свет, и одна из нянечек поспешила на зов. Она открыла куб, достала младенца, пошлепала его по попке, и он затих.

– Мокрый? – спросила я.

Только тут она меня заметила.

– О нет, за этим следят машины. Просто ему одиноко, и я его приласкала. – Ее голос отчетливо доносился сквозь стекло, хотя я не видела ни микрофонов, ни динамиков. Она что-то нежно поворковала младенцу и спросила: – Ты у нас новенькая? Заблудилась?

– Нет, – быстро ответила я, – у меня другая работа. Просто я...

– Тогда тебе сюда нельзя, особенно сейчас. Может быть... – она довольно скептически оглядела меня, – ты ищешь класс молодых матерей?

– Нет-нет! – поспешно сказала я. – Еще нет. – И добавила еще поспешнее: – Я – гостья директора.

Ну да, это не было враньем. Почти не было. Я была гостьей гостя директора, который пришел к нему по предварительной записи. Пусть отношение косвенное, а не прямое, ну, в общем, это почти одно и то же.

Девушка, похоже, успокоилась и спросила:

– Так что же тебе надо? Могу я помочь тебе?

– Э-э-э... Просто расскажите мне кое-что. Я пишу что-то вроде реферата. Что у вас в этой комнате?

– Здесь у нас шестимесячные заказы на выдачу, – сказала она, – через день-другой их всех отправят по домам.

Няня положила замолкшего младенца в куб, приладила ему молочную соску, проделала какие-то манипуляции с приборами снаружи, так что подушечка внутри приподнялась и подержала голову младенца, чтобы он не упустил соску, потом закрыла крышку, подошла к соседнему кубу и взяла в руки другого ребенка.

– Лично я считаю, – добавила она, – что шесть месяцев – самое время. В год они уже умные и обязательно заметят перемену. А эти – нет. Им все равно, кто их кормит и нянчит, когда они плачут... но они уже больше, и матерям будет чуть легче. Мы знаем, как ухаживать за детьми, мы к этому привыкли, и мы часто сменяемся и не устаем оттого, что «возились с ребенком всю ночь напролет». Поэтому мы не раздражаемся и, уж конечно, никогда не орем на них. И не думайте, что малыш не понимает, когда на него кричат, потому что он не умеет разговаривать. Он все понимает! И можно так скособочить его психику, что много лет спустя он отыграется-таки на ком-нибудь. Ну-ну, лапушка, – (это уже не ко мне), – теперь тебе лучше? Хочешь поспать? Полежи спокойно, а Марта тебя побаюкает, вот ты и заснешь.

Она внимательно посмотрела ребенку в личико, потом положила в колыбель и закрыла крышку. Над одним из кубов вспыхнул свет, и Марта метнулась туда.

– У детей нет чувства времени, – добавила она, доставая из колыбели вопящую квинт-эссенцию ярости. – Если уж ему что-то понадобилось – подавай прямо сейчас. Он и знать не знает...

Тут к ней подошла женщина постарше.

– Да, сестра?

– С кем это ты болтаешь? Ты же знаешь правила.

– Да, но... она гостья директора.

Сестра строго осмотрела меня с ног до головы:

– Директор сам послал вас сюда?

Пока я лихорадочно выбрала один из трех ни к чему не обязывающих ответов, сама судьба послала мне спасение. Мягкий голос, исходивший, казалось, отовсюду, произнес:

– Мисс Подкейн Фрайз просят пройти в кабинет директора. Мисс Подкейн Фрайз, пройдите, пожалуйста, в кабинет директора.

Я задрала нос повыше и сказала с достоинством:

– Это меня. Будьте добры, сестра, позвоните директору, скажите, что мисс Фрайз сейчас будет у него.

И вышла со строго отмеренной поспешностью.

Офис директора был вчетверо больше и раз в шестнадцать представительнее, чем кабинет директора у нас в школе. Сам директор был невысок ростом, с коричневой кожей, седой козлиной бородкой и затравленным выражением на лице. Кроме него и, конечно, дяди Тома,

в кабинете присутствовал маленький адвокат, которому досталось от папочки неделю назад, и... мой братец Кларк. Хоть убейте, не пойму, откуда он взялся... У Кларка какой-то сверхъестественный нюх на места, где пахнет неприятностями.

Кларк глянул на меня без всякого выражения, я холодно кивнула ему. Директор и его проныра-законник поднялись мне навстречу. Дядя Том вставать не стал, но представил нас:

– Доктор Хаймен Шонштейн, мистер Пун Квай Яу – моя племянница Подкейн Фрайз. Садись, дорогая, никто здесь тебя не укусит. Директор хочет предложить тебе кое-что.

Законник встрепенулся:

– Я не думаю...

– Верно, – согласился дядя Том, – вы не думаете. Иначе вам пришлось бы в голову, что не бывает событий без последствий.

– Но... Доктор Шонштейн, мы же получили от профессора Фрайза обязательство не разглашать инцидент и выплатили определенную сумму сверх обычной неустойки. Это практически шантаж. Я...

И тут дядя Том встал, ухмыляясь, словно маска смерти. Казалось, он вырос раза в два.

– Что это за слово вы сейчас сказали?

– Я? – испугался адвокат. – Наверное, я оговорился. Я просто хотел...

– Я все отлично слышал, – пророкотал дядя Том, – и у меня есть три свидетеля. Слово, за которое на этой пока еще свободной планете можно получить вызов. Но поскольку я стал старым и толстым, я просто подам на вас в суд и сдеру с вас последнюю рубашку. Пошли отсюда, ребята.

Директор поспешил вмешаться:

– Том... сядь, пожалуйста. Мистер Пун, будьте добры, не говорите ни слова, пока я не попрошу у вас совета. Том, ты ведь отлично понимаешь, что не сможешь ни потребовать удовлетворения, ни вчинить иск за то, что адвокат, то есть мистер Пун, в частной беседе сказал своему клиенту, то есть мне.

– Я смогу сделать и то и другое и все вместе. Вопрос в том, на чьей стороне будет суд, а это выяснить несложно, стоит только возбудить дело.

– И вытащить инцидент на всеобщее обозрение? Нет, Том, ты же прекрасно понимаешь, что я не могу этого допустить. Мой адвокат выпалил это от избытка рвения. Правда ведь, мистер Пун?

– Мне очень жаль, сэр. Беру свои слова обратно.

– Что скажете на это, сенатор?

Дядя Том учтиво поклонился мистеру Пуну. Тот ответил еще более учтивым поклоном.

– Идет, сэр. Я не принял оскорбление на свой счет, следовательно его не было. – Тут дядя Том ухмыльнулся, выпятил живот и сказал ровным голосом: – Ладно, Хайми, вернемся к вашему злодеянию. Твой ход.

Доктор Шонштейн начал осторожно:

– Юная леди, я только что узнал, что недавняя накладка с планированием семьи в вашем доме, о которой мы все весьма сожалеем, стала причиной горького разочарования для вас и вашего брата.

– Это уж точно! – Боюсь, мои слова прозвучали чересчур резко.

– Так вот... Как выразился ваш дядя, от камня пошли круги на воде. И эти круги могут просто утопить нашу фирму – ей перестанут доверять. У нас особый бизнес, мисс Фрайз. На первый взгляд мы обычные инженеры, ну и, конечно, няньки, воспитатели. Но в действительности то, чем мы занимаемся, затрагивает древнейшие человеческие чувства. И если хоть кто-нибудь усомнится в нашей добросовестности и компетентности, то... – тут он беспомощно развел руками, – мы и года не продержимся. Теперь-то мы знаем, отчего все так вышло, и мы можем показать вам, как произошел тот несчастный случай, что отразился на вашей семье. Это

было настолько маловероятно, что даже при прежней методике это не могло бы повториться, а теперь мы добавили еще кое-какие процедуры, которые исключают повторение подобной ошибки в будущем. И все-таки, – он глянул на меня совсем уж беспомощно, – если вы хоть обмолвитесь о том, что подобное произошло, вы нас уничтожите.

Мне стало его так жалко, что я уже готова была выпалить, что не проболтаюсь даже во сне, хотя они уничтожили мою жизнь, но тут Кларк шепнул мне:

– Он тебе капает на мозги.

Так что я ничего не сказала и продолжала смотреть на директора холодным взглядом сфинкса. Я знала: на чутье Кларка можно положиться.

Доктор Шонштейн жестом велел мистеру Пуну помалкивать:

– Итак, дорогая моя леди, я не требую от вас молчания. Как говорит ваш дядя-сенатор, мы приехали сюда не для шантажа, а торговаться мне нечем. Но фирма «Ясли Марсополиса, лимитед» никогда не увиливает от своих обязательств, даже если они не оформлены контрактом. Я пригласил вас, чтобы вместе подумать, как мы можем скомпенсировать ущерб, который мы, безусловно (хотя и непреднамеренно), нанесли вам и вашему брату. Ваш дядя сказал, что собирался в путешествие с вами и с вашей семьей... но теперь вынужден лететь один. Он летит ближайшим рейсом «Линии Треугольника». Кажется, это будет «Трезубец», он стартует примерно через десять дней. Что, если мы попытаемся хоть отчасти исправить наш промах и купим вам и вашему брату билеты первым классом на «Линии Треугольника», в оба конца естественно?

Что, если?! У «Космопроходца» только и плюсов, что он летает в космосе и ходит к Земле. Но это старый неповоротливый грузовик. А лайнеры «Треугольника» – настоящие дворцы, это все знают! Я только и смогла, что кивнуть.

– Вот и хорошо. Мы очень рады и надеемся, путешествие будет приятным. Но... юная леди... не могли бы вы подарить нам некоторую уверенность, без каких-либо условий, просто по доброте души, что не будете распространяться об этом прискорбном несчастном случае?

– О! А разве это не входит в условия сделки?

– Никакой сделки не будет. Ваш дядя доказал, что мы в любом случае должны вам эту поездку.

– А-а-а... знаете, доктор, я буду так занята сборами, мне придется так сильно постараться, чтобы все успеть к отлету, что мне некогда будет вспоминать о каком-то несчастном случае, в котором вы лично, похоже, не виноваты!

– Спасибо. – Он повернулся к Кларку. – Ну а ты, сынок?

Кларк, мягко говоря, не любит, когда его называют «сынком», но сейчас он просто не обратил на это внимания и, проигнорировав вопрос, холодно спросил:

– Что насчет наших дорожных расходов?

Доктор Шонштейн вздрогнул, а дядя Том расхохотался:

– Ай да парень! Я же говорил, док, что он прожорлив, как песчаный аллигатор. Мальчик далеко пойдет, если его кто-нибудь не отравит.

– Так вы можете что-то предложить?

– Да легко! Вот что, Кларк. Посмотри мне в глаза. Или мы сейчас договоримся, или я закатаю тебя в бочку и буду кормить через дырочку – и тогда ты точно никому ничего не расскажешь. А твоя сестра тем временем отправится куда пожелает. Предлагаю вам по тысяче, нет, по пятнадцать сотен на дорожные расходы, а ты за это навсегда опечатаешь свою вякалку... или я кликну четверых громил с черными сердцами и лично вырежу твой язык и скормлю его кошке. Договорились?

– Мне еще полагаются комиссионные – десять процентов с пятнадцати сотен сестренки. У нее не хватило бы ума потребовать свою долю.

– Обойдешься. Это я должен бы содрать с вас комиссионные за все. Договорились мы или нет?

– Договорились, – согласился Кларк.

Дядюшка Том поднялся:

– Вот и все, док. Он парень по-своему надежный, можешь ему верить, так же как его сестре. Так что расслабься. И вы тоже, Квай Яу, можете снова дышать. Док, чек можете прислать завтра утром на мой адрес. Пошли, ребята.

– Спасибо, Том. Хотя, боюсь, это слово совсем не к месту. Чек будет у тебя дома раньше, чем ты сам. И... еще один вопрос...

– Слушаю, док.

– Сенатор, вы появились тут задолго до моего рождения, так что я не слишком много знаю о вашей прежней жизни – обычные сплетни да статья в «Кто есть кто на Марсе»... За что вас выслали? Ведь вас выслали, так?

Казалось, мистера Пуна вот-вот хватит удар. Меня тоже. Но дядя Том не обиделся. Он от всей души рассмеялся и сказал:

– Меня обвинили в том, что я замораживаю детишек в корыстных целях. Облыжно, конечно. Я бы никогда не докатился до такого. Идемте, дети мои. Выберемся из этого гнезда вурдалаков, пока они не уволокли нас в свои подземелья.

Вечером, в постели, я сквозь дрему думала о поездке. Папа и мама ничуть не возражали – дядя Том все уладил по телефону еще до того, как мы вернулись домой. Тут кто-то из малышек заплакал, я поднялась и босиком пошлепала в детскую. Это был Дункан, мой милый братик, еще сухой, но ужасно одинокий. Я взяла его на руки, потетешкала немного, он поворковал, а потом описался, и пришлось менять ему пеленки.

Хоть он и смотрит пока в разные стороны, мне он кажется очень хорошеньким, даже лучше, чем детишки в яслях, пусть они и старше на пять месяцев. Он уже крепко спал, когда я клала его в постельку. Пошла спать и я.

И вдруг остановилась как вкопанная. «Линия Треугольника» потому так и называется, что обслуживает все три главные планеты – Марс, Венеру и Землю. Но в каком порядке корабль облетает три планеты, зависит от взаимного расположения планет на орбитах.

Но как они расположены сейчас?

Я пошла в гостиную поискать еженедельник «Боевой клич», нашла его – хвала небесам! – сунула в проектор, открыла космический раздел и нашла расписание прибытий и стартов.

Да, да, да! Я попаду не только на Землю, но и на Венеру!

Венера! Знай об этом мама... нет, лучше ей сейчас ничего не говорить. А дядя Том наверняка окажется сговорчивее... там.

Наверное, я буду сильно скучать по Дункану – он такой миленький, прямо как пупсик.

Глава 4

Несколько дней я не могла урвать ни минуты, чтобы черкнуть в дневнике хоть слово. Потому что успеть все приготовить к отъезду было практически невозможно. Хорошо, что прививки для Терры, фотографии, паспорта и все такое прочее сделали до того, как все рухнуло, и их не пришлось делать заново, а то бы я так никуда и не улетела. И еще мама вышла из своего атавистического транса и здорово мне помогла. Она даже научилась две-три секунды не реагировать на вопли одного из малышей, если в этот момент она обкалывала меня булавками.

Не знаю, как собирался Кларк и собирался ли он вообще. Он все так же слонялся по дому, молчал, а если и отвечал, то только невнятным ворчанием. И у дяди Тома, похоже, не было никаких забот. За все эти сумасшедшие дни я видела его всего два раза (я поклянчила у него багажный лимит, и мой лучший из всех дядей согласился). Оба раза пришлось выскребать его из карточной комнаты в Клубе лосей. Я спросила, как он умудряется готовиться к полету, да еще и в карты играть.

– Все очень просто, – ответил он. – Я купил новую зубную щетку. Разве нужно что-нибудь еще?

Я обняла его и сказала ему, что он совершенный дикарь, а он усмехнулся и взъерошил мне волосы. Спрашивается: пресыщусь ли и я когда-нибудь космическими полетами? Наверное, да, если мне суждено стать астронавтом. Правда, Па говорит, что половина смака состоит именно в сборах... все-таки мне не хочется становиться столь искушенной.

Как бы то ни было, мама все-таки умудрилась вовремя доставить меня в челночный космопорт Марсополиса в комплекте с багажом и миллионом бумажек: билеты, медицинские справки, паспорт, универсальный комплект для идентификации, опекуновское поручение-обязательство, три вида валюты, дорожные чеки, свидетельство о рождении, полицейский сертификат, справка Службы безопасности и не-помню-что-еще-с-печатами. Я жонглировала свертком, который не влез в чемоданы, одна шляпка была у меня на голове, а другая – в руке, но в целом мы справились. (Хоть убейте, не знаю, куда потом подевалась эта вторая шляпка. На борту она почему-то не попала, а я ее так и нехватила.)

Прощание в челночном порту вышло волнующим, со слезами. Не только прощание с мамой и папой, что было вполне ожидаемо (когда Па обнял меня, мне даже расхотелось улетать), но в порт приехали человек тридцать моих одноклассников (чего я никак не ожидала), да еще с плакатом:

bon voyage⁵, ПОДКЕЙН!

Все мы перецеловались, и если бы кто-нибудь из нас был нездоров, началась бы серьезная эпидемия. Меня поцеловали даже те мальчики, которые раньше даже не пытались. Я вовсе не какая-нибудь недотрога, если браться за дело спокойно и без грубостей. Я считаю, что инстинктам нужно позволять развиваться одновременно с рациональным поведением.

Только на борту челнока я обнаружила, что мне сломали корсет – папин подарок. Наверное, именно тогда я потеряла вторую шляпку – точно теперь не узнаешь. Я бы растеряла весь багаж, но дядя Том был настороже и спас его в последнюю минуту. Кроме всех прочих, нас провожали фотографы и корреспонденты – конечно, не меня, а дядю Тома. Потом вдруг оказалось, что мы сию секунду должны быть на борту: челнок ждать не может, он должен стартовать точно без задержек, чтобы попасть на Деймос, хотя тот и движется гораздо медленнее Фобоса. Репортер из «Боевого клича» до последнего силился выпытать у дяди Тома его мнение о предстоящей конференции Трех планет, но дядя лишь указал на свое горло и прошипел:

---

⁵ Счастливого пути (*фр.*).

– Ларингит.

После чего мы тут же вошли в челнок, и люк за нами закрылся. Наверное, это был самый мимолетный ларингит в анналах медицины: по дороге в порт дядя Том говорил совершенно нормально, в челноке – тоже.

Все челночные полеты похожи друг на друга; на Фобос ли, на Деймос ли – без разницы. Но нельзя привыкнуть ни к первому взыву двигателей, ни к перегрузке, когда ускорение прижимает вас к кушетке так, что дышать-то трудно, не то что шевелиться. И в невесомости всегда странно и жутковато. Даже если вас от нее не тошнит, желудок все равно как-то трепыхается. Хорошо, что все это меня не тронуло.

Быть на Деймосе – все равно что оставаться в невесомости, поскольку ни у Фобоса, ни у Деймоса недостаточно силы притяжения, чтобы ее можно было почувствовать. Поэтому, прежде чем отстегнуть ремни, на нас надели сандалии с присосками, чтобы мы могли ходить. То же самое делают на Фобосе. И все же Деймос отличается-таки от Фобоса, но природа-матушка тут ни при чем. Фобос – часть Марсианской Республики, и лететь туда можно без всяких формальностей. Нужны только деньги, свободный день и привычка к пикникам в космосе.

А Деймос – вольный порт, он навечно арендован администрацией договора Трех планет. Преступник, объявленный к розыску в Марсополисе, может здесь пересечь с корабля на корабль прямо на глазах у наших полицейских, а те не посмеют и пальцем его тронуть. Вместо этого потребуется возбудить дело в Верховном Межпланетном Суде, что на Луне, выиграть процесс и при этом доказать, что этот тип виновен не только по нашим, но и по интерпланетным законам... а уж потом просить прокторов администрации арестовать его, если он все еще околачивается на Деймосе, что, сами понимаете, маловероятно.

Все это я знала теоретически, из школьного учебника «Основы марсианской политики». В главе «Экстерриториальность» этому уделено полстраницы. Теперь мне дали время припомнить школьный курс: как только мы вышли из челнока, нас тут же заперли в комнате под лицемерным названием «Зал для гостей». Мы сидели в ней и ждали, пока нас «обработают». Через стеклянную стену комнаты я видела холл космовокзала – множество людей куда-то спешили и занимались всевозможными таинственными и интересными делами. Нам же оставалось сидеть со своими чемоданами и скучать.

С каждой минутой я все больше наливалась злобой, что на меня совсем не похоже, – от природы я мила и приветлива. Подумать только, неужели моя мама построила все это для того, чтобы меня держали в стеклянной коробке, как белую мышь в виварии.

(Честно говоря, мама только достраивала Деймос, начали-то марсиане, когда у них под рукой оказался блуждающий астероид. Но несколько миллионов лет назад путешествовать им наскучило, и с тех пор они все свое время посвятили тому, чтобы постичь непостижимое и объять необъятное. Так что Деймос был здорово запущен, когда за дело взялась мама. Ей пришлось начинать с нуля и полностью все восстанавливать.)

Как бы то ни было, все, что я видела сквозь стеклянную стенку, было плодом ее творчества, воображения и трезвого инженерного расчета. Я начала закипать. Кларк уединился в углу с каким-то незнакомым типом – по крайней мере, мне он был совершенно незнаком, – они тихо беседовали. Несмотря на свои антисоциальные наклонности, Кларк везде и всюду находит знакомцев, хоть бы и во втором колене. Временами он напоминает мне функционера какого-то подпольного братства – у него довольно сомнительные знакомые, и он никогда не приводит их домой.

Злиться на пару с Кларком – одно удовольствие: если он не занят, он всегда готов помочь ненавидеть что-нибудь ненавистное и при этом найдет резоны, из которых станет ясно, что ситуация еще более мерзопакостная, чем тебе думалось вначале. Но он был занят, так что оставался только дядя Том. Ему-то я и стала жаловаться, как, мол, возмутительно, что свободных

граждан Марса на марсианской же луне держат взаперти, словно зверей, и все из-за администрации договора Трех планет и ее дурацких правил.

– Политики! – процедила я. – Честное слово, я все устроила бы гораздо лучше.

– Конечно, ты бы сделала лучше, – серьезно согласился дядя. – Но, детка, ты еще не все понимаешь.

– Я прекрасно все понимаю!

– Нет, голубка моя. Ты прекрасно понимаешь, что нет веских причин держать тебя здесь, а не отпустить шататься по магазинам, пока не подойдет время посадки на «Трезубец». И это верно: зачем держать тебя здесь, когда ты могла бы осчастливить дюжину спекулянтов своими деньгами. То, что для тебя – мелочь, для них – мечта всей жизни. И вот ты произносишь: «политики», словно это какая-то брань, и думаешь, будто все объяснила. – Он вздохнул. – Но на самом деле ты не понимаешь. Политика вовсе не зло, это величайшее из достижений человечества. Хорошая политика – и все прекрасно... плохая – тоже хорошо.

– Похоже, я и в самом деле чего-то не понимаю, – медленно проговорила я.

– А ты задумайся. Политика – это способ вести дела... без драки. Мы торгуемся из-за каждой мелочи, в чем-то уступаем друг другу, причем каждый думает, что обжулили именно его, спорим до хрипоты и наконец кое-как договариваемся, не разбивая при этом голов. Вот что такое политика. Единственный другой способ – разбить-таки эти головы... Так и бывает, когда одна или обе стороны больше не желают торговаться. Поэтому-то я и говорю, что хороша даже плохая политика... ведь единственная альтернатива – насилие и страдания.

– Э-э-э... мне кажется, это странные слова для ветерана Революции. По рассказам, которые я слышала, ты сам был одним из тех кровожадных злодеев, что подняли пальбу. Если верить папе.

Он ухмыльнулся:

– Я большей частью увертывался. Если политика не срабатывает, надо драться. Наверное, надо пострелять в человека, чтобы он понял, насколько лучше продираться сквозь политические компромиссы, чем подставлять лоб под пули. – Он нахмурился и вдруг сделался совсем старым. – Самая трудная из жизненных проблем: решить, когда говорить, а когда – драться. – Тут он улыбнулся и снова помолодел. – Это не люди изобрели войну, она появилась задолго до нас. Но мы изобрели политику. Вникни, малышка: ведь *Homo sapiens* – самое безжалостное, самое злобное, самое хищное и, уж конечно, самое смертоносное животное в этой планетной системе. Но именно человек придумал политику! Он придумал, как большинству из нас поладить в большинстве ситуаций, и в результате мы не убиваем друг друга – во всяком случае, как правило. И чтобы я больше не слышал, как ты ругаешься словом «политика».

– Прости, дядя Том, – смиренно пообещала я.

– Так я тебе и поверил. Но если эта мысль поварится в твоей голове лет двадцать-тридцать, ты, может быть... Ага! Вот твой мучитель, девочка, – тот самый бюрократ, поставленный сюда грязными политиками специально для того, чтобы несправедливо держать тебя в заточении подлом. Так вцепись же ему в очи, покажи, что ты думаешь о его дурацких правилах.

Я ответила гордым молчанием. Никогда не угадаешь, шутит дядя Том или нет; он любит поводить меня за нос, да еще и оторвать не прочь. Сейчас он имел в виду проктора администрации Трех планет – тот стоял на пороге нашего загона и озирался по сторонам, словно служитель зоопарка, проверяющий чистоту клеток.

– Паспорта! – каркнул он. – Сначала дипломатические. – Он оглядел нас попристальнее и засек дядю. – Пожалуйста, сенатор.

Дядя Том покачал головой:

– Спасибо, но сейчас я просто турист.

– Как вам будет угодно, сэр. Прошу построиться в порядке, обратном алфавитному.

Это отбросило нас в самый хвост очереди, и пошла изнуряющая волокита на полных два часа: паспорта, медосмотр, проверка багажа. Марсианская Республика не взимает пошлины на экспорт, но зато есть куча вещей, которые нельзя вывозить без специального разрешения. В первую очередь, это марсианские древности. Па часто прохаживался по адресу первых исследователей, которые изрядно выпотрошили Марс, отчего бесценные марсианские артефакты хранятся теперь в Британском музее и в Кремле. Кое-что, например наркотики, нельзя вывозить ни при каких обстоятельствах. Пистолеты и другое оружие можно вывозить, но на корабле они обязательно сдаются казначею.

Разумеется, Кларк выбрал именно этот момент, чтобы блеснуть своим аномальным юмором. Вдоль очереди пустили длиннющий список запрещенных к вывозу предметов – захватывающий перечень, я и не знала, что нелегального, аморального и смертоносного может быть так много.

– Хотите-заявить-о-чем-нибудь? – одним духом выпалил инспектор, когда семейство Фрайз добралось до барьера. Сам он был с Марса и, подняв глаза, сразу узнал дядю Тома. – О-о-о! День добрый, сенатор! Польщен нашей встречей. Думаю, на ваш багаж можно не тратить времени. Эти молодые люди с вами?

– Лучше вам все же пошарить в моей сумке, – посоветовал дядя Том. – А то я волоку оружие для интерпланетных подразделений нашего легиона. Что касается детей, то это мои племянники. Вот за них я ручаться не стану; оба они – подрывные элементы. Особенно девчонка; пока мы ожидали, она призывала к ниспровержению основ государства.

Инспектор улыбнулся:

– Пожалуй, не будет беды, если вы провезете пару пушек, сенатор: вы-то знаете, с какого конца за них берутся. Ну а вы, ребята? Хотите о чем-нибудь заявить?

– Мне не о чем заявлять, – ответила я с ледяным достоинством.

И тут встрял Кларк.

– Разумеется, – сказал он противным скрипучим голосом. – У меня два кило «пыльцы блаженства»! А кому какое дело? Я заплатил за нее наличными и не позволю толпе бюрократов заиграть мою собственность.

Он произнес это самым нахальным голосом, какой только смог изобразить, а ухмылку на его лице так и хотелось стереть пощечиной.

Все мигом переменилось. Инспектор собирался формы ради заглянуть в один из моих чемоданов, и тут мой дурак-братец нарочно спровоцировал ситуацию. Стоило прозвучать словам «пыльца блаженства», как вокруг нас выросли еще четыре инспектора. Судя по акценту, двое из них были с Венеры, остальные – с Земли.

Конечно, для нас, марсиан, эта «пыльца» не представляет ничего особенного. Настоящие марсиане пользуют ее, как люди – табак, но без каких-либо вредных последствий. Что они с нее имеют – мне неизвестно. Кое-кто из «песчаных крыс» перенял эту привычку у марсиан. Однажды, на уроке биологии, мы попробовали ее под надзором учителя – и никто не поймал ни малейшего кайфа. Мои острые ощущения свелись к тому, что на весь день заложило нос. Ровным счетом ноль в квадрате.

Другое дело – аборигены Венеры. Ради «пыльцы блаженства» они готовы на все, причем она превращает их в кровожадных маньяков. «Пыльца» очень дорого стоит на тамошнем черном рынке... а ее хранение автоматически карается пожизненным заключением на спутниках Сатурна.

Чиновники жужжали вокруг Кларка, словно рой сердитых ос.

Никакой «пыльцы» они, конечно, не нашли. И тут подал голос дядя Том:

– Позвольте внести предложение, инспектор.

– Что? Конечно, сенатор.

– Мой племянничек, к сожалению, заварил густую кашу. Отведите его в сторону – я бы и сам не прочь заковать его в кандалы, – а честные люди пусть себе идут дальше.

Инспектор мигнул:

– Отличная идея.

– Тогда проверьте нас с племянницей, чтобы не задерживать остальных.

– О, это совсем не обязательно. – Инспектор шлепнул штампы на дядины чемоданы и закрыл мой, который начал открывать. – Не стоит ворошить вещички юной леди. А этого умника мы обобщем до костей, да и кости, пожалуй, просветим.

– Так и сделайте.

Потом мы с дядей прошли еще с пяток барьеров – валютный контроль, учет перемещений, бронирование мест и прочая фигня – и наконец очутились у центрифуги, где взвешивали багаж и самих пассажиров. Так я и не пошастала по магазинам.

К сожалению, когда я сошла с этой карусели, выяснилось, что я с моим багажом на три килограмма превысила мой лимит. Дикость какая – ведь за завтраком я съела меньше обычного, а воды совсем не пила: невесомость я переношу хорошо, но пить в свободном падении очень сложно – вода может запросто ударить в нос, и тогда... пошла-поехала весьма неприятная реакция.

Я совсем уж было собралась объявить, что весовщик слишком сильно крутанул центрифугу, но тут же сообразила, что не могу поручиться за точность весов у нас дома, и промолчала.

Дядя Том молча вытащил бумажник и спросил:

– Сколько?

– Мм... – задумался весовщик. – Давайте сперва крутанем вас, сенатор.

Дядя Том недотягивал до своего лимита почти два килограмма. Весовщик пожал плечами и сказал:

– Не берите в голову, сенатор. Тут несколько пассажиров в минусе, так что я могу не замечать излишка. В случае чего я напишу записку казначею. Но я уверен, что все обойдется.

– Спасибо. Напомните, как вас зовут?

– Майло. Майлс М. Майло – Ложа стервятников, номер семьдесят четыре. Может, вы видели нашу показательную учебную команду два года назад на съезде легиона – я был левым центральным.

– Конечно видел!

Тут они обменялись своим тайным легионерским рукопожатием, о котором, как они думают, никто, кроме своих, не знает, и дядя Том сказал:

– Ну, спасибо, Майлс. До встречи.

– Не за что... Том. Оставь багаж в покое. – Мистер Майло нажал кнопку и позвал: – Эй, на «Трезубце»! Кого-нибудь за багажом сенатора, живо!

Когда мы остановились у пассажирского переходного модуля, чтобы поменять наши прищипки на маленькие магнитные подковки, мне пришло в голову, что нам не пришлось бы ждать нигде и ничего, пожелай дядя Том воспользоваться своими привилегиями.

В любом случае путешествовать в компании важной персоны приятно, даже если это всего лишь дядя Том, у которого ты частенько прыгала на животе, пока не подросла. На наших билетах было написано просто «первый класс», но поместили нас в апартаментах с табличкой «Каюта Арматора». На самом деле это была вовсе не каюта, а номер люкс с тремя спальнями и гостиной. Я обалдела.

Но тогда мне было недосуг озираться по сторонам. Сначала пристегнули наш багаж, потом – нас самих к диванчикам, которые торчали из стены в гостиной. Этой стенке, судя по направлению крошечной силы тяжести, явно полагалось быть полом, но сейчас она стояла почти вертикально. Когда уже взвыли предстартовые сирены, кто-то втащил Кларка и пристегнул его к третьему диванчику. Вид у него был взъерошенный, но нахальный.

– Салют, контрабандист, – добродушно встретил его дядя Том. – Ну как, нашли что-нибудь?

– Было бы чего искать.

– Я так и думал. Надеюсь, за тебя крепко подержались.

– Не-а.

Я не очень-то поверила Кларку: мне приходилось слышать, что, если прокторы настроены не вполне дружелюбно, они могут сделать полный личный досмотр весьма неприятным, хоть и удержаться в рамках закона. Убеждена, что Кларку пошло бы на пользу, если бы за него «крепко подержались», но ему, похоже, обыск не доставил ни малейшего неудобства.

– Кларк, – сказала я, – ты вел себя как законченный идиот. И к тому же все это была ложь, глупая и бессмысленная.

– Увянь, – сердито ответил он. – Если я везу что-нибудь незаконное, пусть поищут, им за это платят жалованье. «Хотите-заявить-о-чем-нибудь?» – передразнил он инспектора. – Чушь какая! Кто же станет «заявлять», что волочет контрабанду.

– Все равно, – не отставала я, – если бы Па услышал тебя...

– Подкейн.

– Да, дядя Том?

– Оставь его. Скоро старт. Это очень интересно.

– Но ведь... да, дядя.

Немного упало давление, потом дернуло так, что только ремни удержали нас на диванчиках. Потом раздался рев – совсем непохожий на тот рев, с которым мы покидали поверхность. Впрочем, это длилось недолго. Потом на несколько мгновений наступила полная невесомость, а за ней – мягкая непрерывная тяга в одном направлении.

Затем комната начала поворачиваться... очень медленно, почти незаметно. Слегка закружилась голова.

Мало-помалу (на это ушло минут двадцать) наш вес увеличивался, пока не достиг нормального... и пол, который был стеной, когда мы вошли, встал наконец почти горизонтально. Но не совсем...

Вот что произошло. Первый рывок – это ракетные буксиры порта Деймоса зацепили «Трезубец» и вышвырнули его на свободную орбиту. Это не слишком трудно: притяжение даже такого большого корабля, как «Трезубец», к такому маленькому-маленькому спутнику, как Деймос, можно не брать в расчет, нужно только стронуть с места весьма солидную массу корабля.

А мягкую тягу – одна десятая g – создавал маршевый двигатель самого корабля. «Трезубец» – корабль с постоянным ускорением, он не мелочится с расчетами экономичных траекторий с неделями и месяцами свободного падения. Он движется быстро, потому что даже с $0,1 g$ скорость ужасно быстро нарастает.

Но пассажирам для полного комфорта мало одной десятой g , они привыкли к большему. Как только корабль лег на курс, капитан включил вращение и наращивал его до тех пор, пока центробежная сила вкупе с ускорением не достигли в векторном сложении силы притяжения на поверхности Марса (или 37 % земной нормали) для уровня кают первого класса.

Однако полы не встанут строго горизонтально, пока не приблизимся к Земле, когда вращение плюс ускорение достигнут одного стандартного g или земной нормали – так уж сконструирована внутренняя часть корабля.

Может, я объясняю не совсем понятно. Во всяком случае, в школе я так толком и не разобралась в этом. Позже, когда я увидела машины, вращающие корабль, и приборы, вычисляющие величину центробежной силы, я все поняла. Вспомните, ведь «Трезубец» и его братья – «Треугольник», «Трилистник», «Триада» и «Тройка» – представляют собой огромные цилиндры. Тяга направлена вдоль его оси, это очевидно. Центробежная сила направлена от оси

– куда же еще? Эти две силы складываются для создания в пассажирской зоне «искусственного тяготения», но, поскольку одна из них (ускорение) постоянна, а другая (вращение) может меняться, то лишь одна величина центробежной силы, которая, слагаясь с ускорением, заставит вас считать, что полы лежат строго горизонтально.

Для «Трезубца» нужно 5,42 оборота в минуту, чтобы обеспечить ровные полы и земную силу тяжести в пассажирских отсеках. Я точно это знаю: мне сказал сам капитан... а я потом проверила его арифметику и ошибок не нашла. Пол нашей каюты – в тридцати с небольшим метрах от оси корабля, так что все в порядке.

Как только пол оказался у нас под ногами и прозвучал сигнал отбоя, я отстегнулась и выскочила из каюты. Мне не терпелось осмотреть корабль, я даже чемоданы не стала разбирать.

Тот, кто изобретет эффективный дезодорант для космических кораблей, мигом заработает целое состояние. В нос шибает так, что это невозможно не заметить.

Надо отдать справедливость, с этим борются, еще как борются. На каждом цикле воздух прогоняют через фильтры, его моют, ароматизируют, добавляют точно отмеренный процент озона, а свежий кислород, который вводится после удаления углекислого газа, чист, как помыслы младенца. Потому что его получают тут же, это побочный продукт фотосинтеза живых растений. Такому воздуху можно смело присуждать большую медаль Общества искоренения дурных намерений.

И экипаж все время что-то чистит, полирует, моет, стерилизует – словом, они очень стараются!

И все же даже от новенького суперлюксового лайнера, вроде нашего «Трезубца», так и разит людским потом и первородным грехом с неопределенными обертонами гниющей органики, досадных инцидентов и прочего, о чем лучше не вспоминать. Однажды Па взял меня на вскрытие древней марсианской гробницы – тогда-то я и поняла, почему у ксеноархеологов всегда под рукой кислородные маски. Но от корабля прет еще хуже, чем из гробницы.

И жаловаться казначею бессмысленно. Он выслушает вас с профессиональным сочувствием и пошлет с вами кого-нибудь из команды – опрыскать вашу каюту каким-то составом (который, подозреваю, просто притупляет на время ваше обоняние). Но его сочувствие не настоящее, потому что этот бедолага просто ничего не чувствует. Он столько лет провел на кораблях, что давно привык и не замечает эту специфическую вонь. Кроме того, он знает, что воздух чист, – это показывают все корабельные приборы. Так что космонавт-профессионал просто не поймет, о каком таком запахе вы говорите.

И к жалобам пассажиров на «невыносимое зловоние» казначей и вся остальная команда тоже привыкли – поэтому они симулируют сочувствие и делают вид, что исправляют дело.

Лично я жаловаться не стала. Если ты хочешь, чтобы вся команда ела у тебя из рук, не стоит начинать с брюзжания. Но все прочие новички жаловались, и я их вполне понимала. Честно говоря, у меня забрезжило сомнение, стоит ли мне становиться капитаном исследовательского судна.

А дня через два мне уже казалось, что корабль основательно подвычистили, и я думать забыла о запахе. Я поняла, почему космонавты не чувствуют запахов, на которые жалуются пассажиры: их нервные узлы просто отсекают привычную вонь, вроде как компьютеры у астрономов игнорируют объекты, чьи орбиты заложены в их память.

Конечно, запах не исчез. Наверное, он въедается прямо в металл и останется там, пока корабль не отправят на переплавку. Слава богу, что нервная система у людей бесконечно адаптивна.

А вот моя собственная нервная система показала себя не слишком адаптивной во время блицразведки «Трезубца»; добро еще, что за завтраком я ничего не пила и почти ничего не

ела. Мой желудок пару раз порывался к действию, но я строго внушила ему, что сейчас не до него: мне очень хотелось осмотреть корабль и не было времени потакать слабостям, «кои суть бремя всякой плоти».

«Трезубец» оказался очень даже ничего – в точности как на рекламных проспектах... если не считать этого ужасного запаха. Бальный зал роскошный и такой большой, что можно увидеть, как пол загибается, повторяя форму корабля... только он не кажется изогнутым, когда ты по нему ходишь. На корабле все палубы такие – а это единственное помещение, где ориентация пола всегда точно соответствует скорости вращения корабля. Еще есть кают-компания, здесь на потолке показывают виды открытого космоса, можно переключить на голубое небо с пушистыми облаками. Там уже вовсю дребезжали какие-то старые перчатки.

Обеденный салон был ничего, но он показался мне маловат, я живо вспомнила предупреждение из рекламного проспекта о первых-вторых сменах и рванулась поторопить дядю Тома, а то все хорошие места разберут до нас.

В каюте его не было. Я по-быстрому заглянула за все двери, но не нашла его. Зато в своей комнате я обнаружила Кларка – он закрывал мой чемодан!

– Что ты тут забыл? – возмутилась я.

Он так и подскочил, но тут же надел личину тупицы.

– Я посмотрел, нет ли у тебя таблеток от тошноты, – соврал он деревянным голосом.

– И для этого перерыл все мои вещи! – Я потрогала его щеки – жара не было. – Нет у меня никаких таблеток. Но я знаю, где каюта врача. Если тебе плохо – давай отведу; он тебя вдосталь ими накормит.

Он отстранился:

– Ой, да все уже прошло.

– А теперь слушай меня, Кларк Фрайз. Если ты...

Но он и не думал слушать: скользнул мимо меня в свою комнату, затворил дверь и щелкнул замком.

Я закрыла чемодан – и тут меня осенило. Именно этот чемодан собирался досматривать инспектор, когда Кларк отмочил насчет «пыльцы блаженства».

Мой младший братец никогда ничего не делает без причины. Никогда.

Причины эти могут быть совершенно непостижимы для других, но стоит копнуть поглубже, и вы убедитесь, что в них нет ничего бессмысленного. Мой братец логичен, как компьютер... и почти такой же бесчувственный.

Теперь я понимала, зачем ему понадобился тот нелепый скандал на таможне.

Я понимала, почему центрифуга показала вес на три кило тяжелее.

Единственное, чего я не понимала, так это *что* он протасил в моем багаже.

И *зачем*?

Интерлюдия

Рад видеть, Подди, что ты снова взялась за дневник. Дело, конечно, не в твоих забавных девчачьих суждениях; просто ты иногда (хоть и не часто) снабжаешь меня фрагментами полезной информации.

Если я взамен могу чем-нибудь помочь – только позови. Может, надо поднатаскать тебя по части грамматики? Твои излюбленные неполные предложения изобличают неполное мышление. Тебе не кажется?

Разберем чисто теоретически проблему доставки с невскрываемой plombой. Поскольку plombу действительно невозможно вскрыть, мысли в этом направлении не принесут ничего, кроме головной боли. Но полный анализ ситуации подсказывает очевидный факт: всякий куби-

ческий или квазикубический объект имеет шесть граней. А пломба стоит лишь на одной из шести сторон.

Разовьем эту мысль. Квазикуб нельзя передвинуть – порвутся провода, но пол под ним можно опустить на сорок восемь сантиметров, хотя на это и уйдет целый день.

Если бы эта проблема не была чисто теоретической, я бы посоветовал вооружиться зеркалом, фонарем на длинной ручке, инструментами, приспособленными для работы под углом, и, конечно, запасом терпения.

Именно его тебе вечно не хватает, Под, – терпения.

Надеюсь, оно поможет тебе решить чисто теоретический вопрос насчет «пыльцы блаженства». И сделай милость, не стесняйся обращаться ко мне со своими маленькими проблемами.

Глава 5

Первые три дня Кларк все время запирали свою комнату – я точно знаю, потому что торкалась в дверь всякий раз, когда он выходил из номера.

На четвертый день он оставил ее незапертой, причем можно было сказать наверняка, что самого его в ближайший час не будет: он записался на экскурсию по тем отсекам, куда пассажиров обычно не пускают. Меня такие экскурсии уже не интересовали – к этому времени я успела укомплектовать из членов экипажа личную эскортную службу «Подди-спэшел». С дядей Томом хлопот не было – на экскурсию он не пошел, это нарушило бы его принцип неделания, но он стакнулся с любителями пинокля и все время торчал в курительном салоне.

Замки на дверях кают не проблема для девушки, у которой есть пилка для ногтей, кусочек того, кусочек сего и свободный доступ в контору казначея – словом, для меня.

И тут обнаружилось, что возиться с замком не надо: язычок не защелкнулся. Я прикинула, что выиграю на этом минут двадцать, и вздохнула с облегчением.

Не буду подробно описывать процедуру обыска. Но уверена, что даже бюро расследований не провернуло бы его быстрее и аккуратнее, если бы располагало только голыми руками – и никакого оборудования. Предметом моих поисков было что-то запрещенное к вывозу из списка, который нам выдали на Деймосе, – и я внимательно изучила свой экземпляр. Весить он должен три кило с небольшим. Кларку пришлось прятать его в багаже, значит он большой и жесткий, иначе бы братец спрятал его на себе и хладнокровно положился бы на свою молодость, невинный вид плюс покровительство дяди Тома. В противном случае он не стал бы рисковать, пряча его в моем багаже, – у него ведь не было гарантии, что можно будет вызволить предмет без моего ведома.

Мог он рассчитывать, что я брошусь осматривать корабль, прежде чем распакую вещи? В принципе – да, хотя я сделала это под влиянием минуты. Приходится признать, что Кларк возмутительно точно и часто предугадывает мои действия. Как противника его нельзя недооценивать. Конечно, он рисковал, но это был «обдуманый риск», совсем небольшой.

Ладно. Большое, довольно массивное и запрещенное неведь что. Но я не знала, как оно выглядит, и должна была учитывать, что любая вещь, отвечающая первым двум параметрам, могла быть совершенно невинной с виду оболочкой.

Итак, я взялась за дело...

Минут через десять я установила, что оно может быть только в одном из трех чемоданов, – их я нарочно оставила напоследок. В каюте полным-полно всяких лючков, ниш, подставок и прочего, но я знала, какие из них можно открыть руками, какие – с помощью специальных электроинструментов, а какие невозможно открыть, не оставляя заметных следов, я уже пробовала (в своей каюте). Я бегло осмотрела их все и поздравила Кларка с тем, что у него хватило ума не использовать такие очевидные тайники.

Затем я проверила все легкодоступные места по принципу «Похищенного письма»⁶ – одежду в гардеробе и прочее. Книга вполне могла оказаться лишь похожей на книгу, а пиджак – на пиджак.

В итоге – ноль, zero, пусто, и я с неохотой взялась за чемоданы, запоминая, как сложены вещи и в каком порядке.

Первый был пуст. Что-то, конечно, могло лежать за подкладкой, но весил он не больше обычного, и никакой тайник там не мог вместить ничего достаточно большого, что соответствовало бы нужным параметрам.

---

⁶ Имеется в виду знаменитый рассказ А. Конан Дойла.

Второй – то же самое, да и третий выглядел малообещающе... пока я не нашла в его кармане конверт. О, ничего подходящего под мои параметры, ни массы, ни жесткости – просто обычный почтовый конверт. И все же я взглянула на него...

И тут меня взорвало.

На нем значилось:

МИСС ПОДКЕЙН ФРАЙЗ,
ПАССАЖИРУ К. К. «Трезубец».
Вручить на борту корабля

Ах, мелкая сволочь!!! Перехватывать мою почту! Я еле открыла конверт – так меня трясло от ярости, – увидела, что его уже вскрывали, и совсем взбесилась. Слава богу, письмо было на месте. Я судорожно развернула его и прочла.

Всего пять слов:

«Привет, Под. Опять ты шпионишь», —
написанные почерком Кларка.

Долго-долго я стояла столбом, красная как свекла, и переживала горькое осознание того, что меня снова с блеском развели как последнюю дуру.

Только три человека на всем белом свете способны заставить меня почувствовать себя дура душой, и один из них – Кларк.

Позади меня кто-то кашлянул. Я резко обернулась. В дверном проеме (а ведь я защелкнула замок) стоял мой братец. Он улыбнулся и сказал:

– Привет, сестренка. Ищешь что-то? Тебе помочь?

Я не стала тратить время на оправдания и просто спросила:

– Кларк Фрайз, что ты протасил на корабль в моем багаже?

Он мигом надел личину клинического идиота, которая может довести самого уравновешенного педагога до визита к психиатру.

– О чем ты, Подди?

– Ты знаешь о чем! О контрабанде!

– А! – Он просиял лицом. – Ты о тех двух кило «пыльцы блаженства»? Господи, сестренка, мне бы твои заботы! Не было никакой «пыльцы», я просто приколотся над этим надутым инспектором. Я думал, до тебя дошло.

– Я говорю не о «двух кило пылицы»! Я говорю о трех кило невесты чего, что ты спрятал в моем багаже.

Он скроил озабоченную рожу:

– Под, ты хорошо себя чувствуешь?

– Удушью, перхоть!!! Не строй из себя дурака, Кларк Фрайз! Ты все прекрасно понимаешь! Когда меня крутили на центрифуге, я и мой багаж потянули на три кило сверх положенного. Ну?!

Он задумчиво меня осмотрел и с сочувствием произнес:

– Мне не хотелось огорчать тебя, Подди, но ты, похоже, чуть пополнела. Наверное, здешняя еда слишком калорийна, а у тебя не хватает воли ограничить себя. Подумай над этим, Подди. Плохо, когда девушка не следит за фигурой. Она ни на что не сможет рассчитывать в жизни. Мне так говорили.

Жаль, что в руке у меня был конверт, а не топор. Я услышала утробное рычание, поняла, что рычу это я, и тут же перестала.

– Где письмо из этого конверта?

– Да оно же у тебя в руке, – удивленно сказал Кларк.

– Это? И это все? Больше там ничего не было?

– Ничего. Только пара слов от брата к своей сестричке. Я что-то не то написал? Мне казалось, они как раз подходят к такому случаю... Я же знал, что письмо вскоре попадет к тебе. – Он гадко улыбнулся. – В следующий раз, когда тебе захочется покопаться в моих вещах, скажи мне. Я помогу. Видишь ли, там могли быть сюрпризы, которые делают бо-бо. Для разных недоумков, которые не смотрят, куда лезут. Я бы не хотел, чтобы на них напоролась моя сестричка.

Говорить было больше не о чем. Я рванула мимо него в свою каюту, заперла дверь и разревелась...

Потом взяла себя в руки, привела в порядок лицо – я при этом обхожусь без полного комплекта чертежей – и решила впредь не говорить об этом с Кларком.

Но с кем же тогда? С капитаном? Его я уже хорошо изучила: капитанское воображение не простирается дальше следующей точки траектории. Как сказать ему, что мой братец везет контрабандой невесту что и хорошо бы обыскать весь корабль, ибо в каюте этой штуки нет? Не будь душой в кубе, Подди! Во-первых, капитан лишь посмеется над тобой, а во-вторых, ты на самом деле не хочешь, чтобы Кларка поймали, – маме и Па это не понравится.

Поговорить с дядей Томом? Он тоже не поверит, а если и поверит – сам пойдет к капитану... с теми же катастрофическими последствиями.

Я решила не тревожить дядю Тома до поры до времени. Лучше я буду держать глаза настежь, ухо остро и сама найду ответ.

Конечно, забота о грешной Кларковой душе не занимала все мое время (если вообще его занимала, будем говорить честно): ведь я первый раз летела на настоящем космическом корабле – то есть была на полпути к своей мечте – и мне было чем заняться и чему поучиться.

В этом плане рекламный проспект был достаточно честен – но он не давал всей картины.

Вот, к примеру, фраза из роскошного буклета «Линии Треугольника»: «...полные романтики дни в Марсополисе, городе, который древнее, чем само время. Экзотические ночи под стремительно летящими марсианскими лунами...»

А теперь переведем это на нормальный человеческий язык. Я люблю Марсополис, это мой родной город, но романтики в нем не больше, чем в бутерброде без джема. Районы, в которых живут люди, построили сравнительно недавно, построили для житья и работы, а не для романтики. Что касается руин за городом, то, во-первых, марсиане называли свой город отнюдь не «Марсополисом», а во-вторых, яйцеголовые, включая Па, закрыли от туристов все самое интересное, дабы они не царапали свои инициалы на том, что было древним городом еще в те времена, когда каменный топор считался самым современным супероружием. Кроме того, марсианские руины не кажутся людям ни красивыми, ни живописными, ни впечатляющими. Чтобы оценить их, нужно прочесть по-настоящему хорошую книгу с иллюстрациями, диаграммами и доступными пояснениями, например «Путь, непохожий на наш», которую написал Па.

Что же касается тех «экзотических ночей», то у нас, на Марсе, человека, который окажется на улице после заката без крайней необходимости, нужно немедленно отправить к психиатру. Там холодно. Сама я всего лишь дважды видела Фобос и Деймос ночью, и оба раза не по своей вине. И тогда мне было не до «стремительно летящих лун», я думала только о том, как бы не замерзнуть насмерть.

В том, что касается самих кораблей, эти рекламные брошюры предельно точны в деталях – но при этом откровенно вводят в заблуждение. Конечно, «Трезубец» – настоящий дворец, могу поручиться. Действительно, чудо из чудес, что такой огромный, такой роскошный и такой невероятно комфортабельный механизм способен «пронести» (извините за выражение) через пространство.

Но взгляните на фотографии внутри...

Вы знаете, что я имею в виду: полноцветные трехмерные фотографии симпатичных молодых людей обоего пола, которые весело болтают, играют в кают-компании, танцуют в балльном зале... а еще – интерьеры «типичных кают».

Эта «типичная каюта» отнюдь не надувательство. Просто каюта снята хитрым объективом с хитрой точки, вот она и кажется вдвое больше. Что же касается веселых симпатичных молодых людей – ну, на нашем рейсе таких что-то не оказалось. Подозреваю, что это были профессиональные модели.

Таких молодых и симпатичных пассажиров на нашем «Трезубце» можно перечесать по большому пальцу одной руки. Наш типичный пассажир – прабабушка, гражданка Терры, состоятельная вдова, в космосе – первый раз и, возможно, последний, ибо она не уверена, что он ей нравится.

Честное слово, я не преувеличиваю, все наши пассажиры, похоже, сбежали из гериатрической клиники. Я вовсе не издеваюсь над старостью и хорошо понимаю, что и мне ее не миновать, если буду дышать еще какое-то время (900 миллионов вдохов-выдохов без поправки на тяжелую физическую работу). Старость может быть прекрасной, тому примером дядя Том. Но почтенный возраст не заслуга, это со всяким может случиться, вроде как с лестницы упасть.

Но я уже немного устала оттого, что молодость здесь считают уголовно наказуемым деянием.

Наш типичный пассажир-мужчина – того же вида, но числом поменьше. От своей супруги он отличается тем, что не смотрит на меня сверху вниз и порой пытается «по-отечески» шлепнуть меня. Я не верю в это «по-отечески», терпеть этого не могу, избегаю, насколько это в человеческих силах, – но обо мне все равно идут толки.

Наверное, я бы не так удивилась тому, что «Трезубец» – суперлюкс для престарелых, если бы лучше разбиралась в экономических аспектах повседневной жизни, но мой опыт в этих вопросах (открыто признаю) еще очень ограничен.

«Трезубец» – дорогой корабль. Очень дорогой. Нас с Кларком здесь вообще бы не было, не выкрути дядя Том руки доктору Шонштейну. О, я полагаю, что дядя Том может себе позволить все на высшем уровне, ведь он входит в вышеназванную категорию, правда только по возрасту, а не по темпераменту. Па с мамой собирались лететь на «Космопроходце», дешевом грузовике, из тех, что летают по экономичным траекториям. Па и мама не бедняки, но и богачами им, похоже, не бывать: ведь им предстоит вырастить пятерых детей.

Кто может позволить себе летать на роскошных лайнерах? Правильный ответ: старые богатые вдовы, состоятельные супруги-пенсионеры, большие шишки, чье время так дорого, что им приходится летать самыми скоростными кораблями, и редкие исключения из людей другого сорта.

Мы с Кларком – именно такие исключения. Еще одно исключение на нашем корабле – мисс... ну, скажем, Герди Фицснаггли. Если я назову ее настоящее имя и если мои записи попадутся кому-нибудь на глаза, ее слишком просто будет опознать. Я считаю, Герди классная, и плевать мне, что там шипят корабельные сплетницы. Похоже, пока я не поднялась на борт, все молодые офицеры были ее личной собственностью – во время полета с Земли до Марса, я имею в виду. Я отхватила порядочный кусок от ее монополии, но она не в обиде на меня и нисколько не ревнует, обращается со мною тепло, как женщина с женщиной; о жизни и мужчинах я узнала от нее гораздо больше, чем от мамы.

(Похоже, моя мама несколько наивна в тех вопросах, в которых Герди разбирается лучше всего. Наверное, это удел всех женщин-инженеров, которые стараются обыграть мужчин в мужских играх, – из-за этого они вынуждены вести довольно ограниченную социальную жизнь. Мне следует заняться этим всерьез... ведь такое может статься и с женщиной-астронавтом, а мой генеральный план не предусматривает превращения в скисшую старую деву.)

Герди примерно вдвое старше меня, иначе говоря, почти девочка в сравнении с прочей компанией. Тем не менее, возможно, рядом со мной она начинает выглядеть немного более зрело, чем нужно. С другой стороны, возможно, соседство моей не совсем еще оформившейся фигуры подчеркивает ее прелести, достойные Елены Прекрасной. Как бы то ни было, в одном я уверена: с моим прибытием на корабль давление на Герди ослабло – сплетницы получили две мишени вместо одной.

А они постоянно сплетничают. Одна, например, сказала о Герди: «Она поменяла больше колен, чем салфетка!»

Если и так, надеюсь, ей это понравилось!

Теперь о наших веселых танцевальных вечерах в нашем гигантском бальном зале. Свершаются они по вторникам и субботам, исключая время стоянок в портах. Музыка начинается в 20:30, и к этому времени Женская ассоциация охраны моральных устоев уже занимает места согласно штатному расписанию. Присутствует, дабы блюсти меня, дядя Том – он очень представительен во фраке. Присутствую я, на мне вечернее платье, далеко не такое девчачье, каким оно было во время покупки, – по причине *очень* деликатного хирургического вмешательства, произведенного мной при закрытых дверях. Мама бы его точно не узнала. Присутствует даже Кларк, потому что больше тут ничего интересного не происходит и он боится что-то пропустить. Чтобы попасть на бал, ему тоже приходится напяливать фрак, и он так хорошо сидит на нем, что я горжусь братом.

У чаши с пуншем мнутя младшие офицеры, в парадных мундирах они чувствуют себя немного неловко.

Капитан по одному ему известному принципу выбирает одну из вдовушек и ведет ее танцевать. Двое мужей приглашают своих благоверных. Дядя Том предлагает мне руку и выводит на танец. Двое-трое младших офицеров следуют примеру капитана. Кларк, пользуясь моментом, атакует чашу с пуншем.

Но никто не приглашает Герди.

Это неспроста. Капитан *сказал свое слово* (абсолютно точные сведения от моих агентов), и ни один офицер не смеет приглашать мисс Фицснагли, пока не протанцует по крайней мере дважды с другими партнершами. И я в данном случае – не «другая партнерша», потому что, начиная с отлета с Марса, запрет был распространен и на меня.

Попробуйте скажите после этого, что капитан – не *последний абсолютный монарх*!

На площадке теперь топчутся шесть или семь пар, и веселье в полном разгаре. Это максимум. Девять десятых кресел занято, а по площадке можно кататься на велосипеде, не опасаясь налететь на танцоров. У зрительниц такой вид, будто они вяжут близ черных колесниц. Не хватает лишь гильотины посреди зала⁷.

Музыка прерывается. Дядя Том провожает меня на место и приглашает Герди – капитан не выражает неудовольствия, ведь дядя Том платит наличными. Я все еще табу, поэтому я иду к пуншевой чаше, отбираю у Кларка бокал, приканчиваю его сама и говорю:

– Пошли, Кларк. Так и быть, разрешаю тебе попрактиковаться.

– Э-э-э, да это же вальс! – (или флай хоп, или гиассэ, или файф стэп – то есть нечто совершенно неприемлемое).

– Пошли... а то я скажу мадам Грю, что ты давно хочешь ее пригласить, только стесняешься.

– Только попробуй – я ее уроню! Нарочно споткнусь и опрокину!

Все же Кларк понемногу сдается, и я торопливо развиваю успех:

---

⁷ Намек на так называемых вязальщиц Робеспьера – женщин, которые, присутствуя на публичных казнях, громко приветствовали приговоры Конвента. При этом в руках у них были спицы и вязанье.

– Лучше выводи меня и потопчись чуток на моих ногах, или я сделаю так, чтобы Герди вообще с тобой не танцевала.

Это решает дело. Кларк в муках переживает свою первую щенячью любовь, и Герди ведет себя по-джентльменски, обращается с ним на равных и с теплой учтивостью принимает знаки внимания.

Итак, Кларк танцует-таки со мною. Танцует он вполне прилично, и вести его почти не приходится. Он любит танцевать, но не хочет, чтобы кто-нибудь (особенно я) подумал, будто ему нравится танцевать с сестрой. Я невысокого роста, и потому мы неплохо смотримся со стороны. А тем временем Герди отлично смотрится с дядей Томом. Это, конечно, заслуга Герди, ведь у дяди Тома нулевое чувство ритма, хотя и масса энтузиазма. Но Герди может танцевать с кем угодно. Если бы партнер сломал ногу, она бы сломала свою в том же месте. Но толпа помаленьку редет: мужья, отработав первый танец, слишком устали для второго, а заменить их некому.

Да, здорово мы веселимся на нашем роскошном «Трезубце»!

Честно говоря, мы по-настоящему веселимся. После второго танца мы с Герди вольны выбирать кавалеров из младших офицеров. Все они танцуют хорошо или, во всяком случае, здорово поднатаскались. Около 22:00 капитан удаляется спать, а вскоре и бдительные вдовушки исчезают одна за другой. Ближе к полуночи остаемся только мы с Герди, полдюжины младших офицеров и казначей – он по долгу службы перетанцевал со всеми дамами и наслаждается честно заработанным отдыхом. Кстати, для своих лет он неплохо танцует.

С нами обычно остается и миссис Грю – она отнюдь не солидарна с вязальщицами и хорошо относится к Герди. Это пухлая старушка, под завязку набитая грехами и острыми шутками. Она не ждет, что кто-то пригласит ее, просто ей нравится смотреть на молодежь. И офицеры любят с ней поболтать. Она веселая.

Где-то к часу ночи дядя Том присылает Кларка сказать мне, чтобы я шла спать, если не хочу ночевать в коридоре. Конечно, он шутит, но я ухожу – у меня гудят ноги.

Старый добрый «Трезубец»!

Глава 6

Капитан понемногу ускоряет вращение корабля, чтобы искусственная гравитация сравнялась с силой тяжести на Венере. Это 84 % земной нормали, то есть вдвое больше той, к которой я привыкла. Так что большую часть времени, свободного от изучения астронавигации и пилотирования, я провожу в спортивном зале, тренируюсь для Венеры. Не хочу вдруг оказаться слабой и неловкой.

Если я смогу приспособиться к 0,84 g, переход к земной нормали покажется мне тортом с шоколадной глазурью. Наверное.

Обычно зал в полном моем распоряжении. Большинство пассажиров – с Земли или с Венеры, им нет нужды адаптироваться к повышенной гравитации Венеры. Из дюжины с лишком марсиан, похоже, я одна всерьез принимаю грядущие тяготы. А пригоршню инопланетян, летящих с нами на корабле, мы даже не видим – они сидят в своих специально оборудованных каютах. Тренируются офицеры (многие из них настоящие фанатики спорта), но только в те часы, когда пассажиры обычно отдыхают.

Так вот, в тот день (тринадцатого Цереры по-нашему, но на «Трезубце» пользуются земным исчислением, так что пусть будет девятого марта, хотя земное время и отнимает по полчаса сна от каждой ночи) я ворвалась в зал такая злая, что готова была плевать ядом. Я хотела убить сразу двух зайцев: спустить пар (по крайней мере до того уровня, который не грозит заточением в кандалы за нанесение увечий), ну и мускулы подкачать заодно.

И увидела там Кларка. Он был в шортах и со здоровенной штангой.

Я так и замерла, а потом выпалила:

– Что ты здесь делаешь?

– Тупею по твоему примеру, – усмехнулся он.

Правильно, сама напросилась: никто и ничто не запрещает Кларку тренироваться в зале. Я заткнулась, отшвырнула накидку и начала разминку, чтобы разогреться.

– Сколько весит? – спросила я про штангу.

– Шестьдесят кило.

«Я взглянула на стену: гравитометр показывал 0,52 g. Прикинула в уме: 52/37 от шестидесяти, то есть единицы, плюс 900 на 37, да еще 1/9 до 1000 на 40, получим 25 – одним словом, то же, что поднять 85 килограммов на Марсе.

– Чего же ты потеешь?

– Вовсе я не потею. – Он положил штангу. – Посмотрим, как ты справишься.

– Давай!

Он отошел, я присела, взялась за гриф... и передумала.

Поверьте мне на слово, дома я все время работала с 90 кило, да и здесь каждый день я проверяла показания гравитометра на стене и нагружала штангу до привычного веса плюс немного больше каждый день. Моя цель (похоже, безнадежная) – поднимать со временем на Венере ту же массу, какую я поднимала дома на Марсе.

Так что я вполне осилила бы 60 кило при 0,52 % земной нормали.

Но для девушки было бы ошибкой демонстрировать физическое превосходство перед мужчиной... даже если это всего лишь ее брат. Особенно если у этого брата злокозненный характер, а вы вдруг придумали, как использовать это в своих целях. Помните, я уже говорила, что если вы кого ненавидите, то Кларк – идеальный компаньон.

Так что я отдувалась и хрюкала, стараясь сыграть получше, потом вывела гриф на грудь, начала выжимать...

– Помоги, – заверещала я.

Кларк одной рукой подтолкнул в середине грифа, и мы выжали штангу до конца.

– Держи за меня, – выдавила я сквозь зубы.

Он опустил штангу на пол.

– Ух, Кларк, ты стал ужасно сильным, – вздохнула я.

– Стараюсь.

Сработало: Кларк растаял до такой степени, какую позволяла его натура. Я предложила заняться акробатикой, если он не прочь работать внизу. Я, видите ли, не уверена, что удержу его при 0,52 g.

Он был не против – это давало лишний повод побыть мужественным и мускулистым. А уж он-то точно удержит меня, ведь я на 11 кг легче штанги, которую он только что поднял. Когда он был поменьше и оставался на моем попечении, мы частенько этим занимались, но тогда я поднимала его – только при этом условии он помалкивал. Сейчас он с меня ростом и, боюсь, сильнее. Мы все еще кувыркаемся немного, но внизу работаем по очереди – дома, конечно.

Но при полуторной тяжести я предпочла не рисковать. Когда он поднял меня в стойку на вытянутых руках, я перешла к следующей фазе своего плана:

– Слушай, Кларк, как ты относишься к миссис Роулер?

Он фыркнул и издал непристойный звук:

– А в чем дело?

– Да так. Мм... не знаю, стоит ли говорить.

– Ты что, хочешь, чтобы я оставил тебя стоять в воздухе?

– Только посмей!

– Тогда договаривай, раз начала.

– Ладно. Только подожди, я встану на ноги.

Он подождал, я встала ему на плечи и прыгнула на пол. При повышенном тяготении главное не сколько ты весишь (хотя это тоже важно), а быстро ли ты падаешь. А у Кларка, если вывести его из себя, не заржавеет оставить меня в воздухе вниз головой.

– Ну так что насчет миссис Роулер? – спросил он.

– Так, ничего особенного. Просто она считает всех марсиан швалью.

– Вот как? Ну, значит, это взаимно.

– Точно так. По ее мнению, это позор для «Линии» – позволять нам путешествовать первым классом... и капитан, мол, не должен был сажать нас за один стол с порядочными людьми.

– Давай-ка поподробнее.

– Да тут, пожалуй, нечего рассказывать. Мы же отбросы общества. Ссылные. Сам знаешь.

– Забавно, – процедил Кларк. – Очень забавно.

– И ее подруга миссис Гарсиа с ней согласна. Но наверное, не стоит об этом говорить. Ведь у каждого есть право на собственное мнение.

Кларк не ответил, а это очень плохой признак. Вскоре он ушел, так и не сказав ни слова. Я вдруг испугалась, что выпустила джинна из бутылки, окликнула его, но он не обернулся. Слух у него в полном порядке, но иногда он не желает слушать.

Все равно было уже поздно. Я надела сбрую для грузов, добавила себе вес до венерианского и начала пробежку на тренажере. Вскоре я как следует пропотела и была вполне готова к душе и смене белья.

Откровенно говоря, мне было наплевать, что станет с этими гарпиями, и я надеялась, что Кларк проведет все на обычном высоком уровне, а сам останется чистеньким. И даже вне подозрений. Но я не сказала Кларку и половины того, что услышала.

Честное слово, до полета на «Трезубце» я не догадывалась, что можно презирать людей просто за их происхождение или место жительства. Конечно, я встречала туристов с Земли,

чьи манеры оставляли желать лучшего, но Па говорит, что все туристы кажутся нахальными, потому что они чужаки и не ведают местных обычаев. Я поверила, потому что Па никогда не ошибается. А профессор-землянин, которого он однажды приводил к нам обедать, был само очарование – это доказывало, что и у землян бывают хорошие манеры.

Когда мы только появились на корабле, я заметила, что пассажиры «Трезубца» чуждаются нас, но не придавала этому значения. В конце концов, даже на Марсе, где нравы просты и естественны, как и на всяком фронтире, незнакомые люди не бросаются друг другу на шею. Кроме того, большинство пассажиров летели с Земли; они уже сбились в кланы и клики, а мы были вроде новых ребят в чужой школе.

Как бы то ни было, я говорила «доброе утро» всем, кого встречала в коридорах, а если мне не отвечали – списывала это на глухоту. Что было естественно в их возрасте. Во всяком случае, пассажиры мало меня трогали, меня гораздо больше привлекала дружба с офицерами корабля, особенно с пилотами: они могли добавить к моим книжным познаниям бесценный практический опыт. Девушке очень трудно попасть на курсы пилотов, ей надо быть вчетверо лучше кандидата-мужчины, и здесь может помочь любая мелочь.

Мне сразу же подвернулся отличный случай: в столовой нас посадили за стол капитана!

Это, конечно, из-за дяди Тома. Я не настолько тщеславна, чтобы воображать, что «мисс Подкейн Фрайз из Марсополиса» что-то значит. (Ладно, подождите лет десять!) А вот дядя Том, хоть он всего лишь любитель пинокля и мой любимый старичок, все же старший полномочный сенатор Республики. Наверняка старший менеджер «Линии Треугольника» в Марсополисе хорошо знал это и постарался, чтобы об этом узнал и казначей «Трезубца».

Так или иначе, я не из тех, кто отвергает дары небес, каким бы путем они ни достались. С первых же минут я начала обрабатывать капитана Дарлинга. Честное слово, у него такая фамилия – Бэррингтон Бэбкок Дарлинг. Интересно, не зовет ли его жена «Бэби Дарлинг»?⁸

Ясное дело, на борту у капитана нет имени: для команды он капитан, хозяин, шкипер, за глаза – Старик. Но никогда его не называют по имени – он просто величественное и безличное олицетворение власти.

(Интересно, будут ли меня когда-нибудь называть за глаза Старухой? Это как-то неправильно звучит.)

Но со мной капитан Дарлинг не величествен и не безлик. Я вознамерилась внушить ему, что я ужасно мила, что я моложе своих лет, что совершенно благоговею перед ним и что я... не слишком умна. При первом знакомстве не стоит показывать мужчине, что у вас есть мозги, – это сделает его беспокойным и подозрительным, вроде как Цезарь опасался «худого и голодного» вида Кассия⁹. Сперва надо перетянуть мужчину на свою сторону, а уж потом можно позволить ему – помаленьку – обнаружить у вас интеллект. Пусть думает, что ваш ум отпочковался от его собственного.

Так что я задалась целью внушить капитану чувство стыда за то, что я не его дочь (у него, к счастью, одни сыновья). И не успела окончиться первая трапеза, как я открылась ему в своем страстном желании учиться на пилота... скрыв, конечно, более высокие амбиции.

И Кларк, и дядя Том сразу поняли мою игру. Но дядя Том ни за что бы меня не выдал, а Кларк просто молча скучал с презрительным видом, потому что Кларк не стал бы вмешиваться даже в Армагеддон, если бы ему не светило за это десять процентов прибыли.

Мне все равно, что подумали родственники о моей тактике, главное – она сработала. Капитана Дарлинга, очевидно, позабавили мои грандиозные и «невозможные» амбиции... и он предложил показать мне центр управления.

---

⁸ Дорогая крошка (англ.).

⁹ Хочу я видеть в свите только тучных, А Кассий тощ, в глазах голодный блеск, Он много думает – такой опасен. У. Шекспир. Юлий Цезарь

Первый раунд по очкам выиграла Подди.

Теперь я – неофициальный талисман корабля с правом свободного посещения центра управления и почти такими же привилегиями в инженерном отсеке. Ясное дело, капитан не стал убивать время, обучая меня практической навигации. Он провел меня по центру управления и на ясельном уровне объяснил, как что работает, а я слушала, старательно делая большие глаза. Я чувствую, что интересую его, но по-особому. Он не то чтобы стремится усадить меня к себе на колени (он слишком практичен и слишком благоразумен, чтобы делать что-нибудь в этом роде!), а я не то чтобы поощряю такие стремления, но стараюсь поддерживать с ним теплые отношения и с видом изумленного котенка слушаю его рассказы, пока он литрами вливает в меня чай. Я и в самом деле хороший слушатель, ведь никогда не знаешь наперед, где обретишь что-нибудь полезное. Кроме того, в любой точке Вселенной женщина может прослыть «очаровательной», если слушает, пока говорит мужчина.

Но капитан Дарлинг не единственный астронавигатор на корабле.

Он запустил меня в центр управления, а я сделала все остальное. Второй помощник капитана, мистер Суваннавонг, просто диву дается, как быстро я усваиваю математику. Ему кажется, будто это он научил меня решать дифференциальные уравнения. Действительно, когда дело дошло до чертовски сложных формул, которые используют для корректировки вектора корабля при постоянном ускорении, так оно и было. Но если бы я не прослушала дополнительный курс в прошлом семестре, я бы ни слова не поняла из его объяснений. Сейчас он учит меня составлять программу для баллистического компьютера.

Третий – младший астронавигатор мистер Клэнси – еще доучивается, чтобы получить неограниченный сертификат, и у него есть все нужные мне справочники и учебные пленки. Он тоже всегда готов к услугам. Он не намного старше меня и вполне мог бы заболеть хватательной болезнью... но только законченный болван полезет к женщине, когда она сама не дает ему повода. Мистер Клэнси далеко не глуп, а я поводов не даю.

Может быть, я поцелую его... минуты за две перед тем, как навсегда покину корабль. Не раньше.

Все они крайне предупредительны и считают мой серьезный подход к наукам очень милым. Хотя, правду сказать, практическая астронавигация оказалась куда труднее, чем я ожидала.

Я догадывалась, что главным поводом к отчетливой неприязни (которую я не могла не почувствовать, несмотря на мое радостное «Доброе утро!») было то, что нас посадили за стол капитана, хотя брошюрка «Добро пожаловать на „Трезубец“!» (а она есть в каждой каюте) ясно говорит, что в каждом порту сотрапезники капитана меняются – такова традиция – и что выбирают их из новых пассажиров.

Не думаю, что предупреждение делает эту рокировку приятнее, мне, например, совсем не понравится, когда на Венере меня выпихнут из-за капитанского стола.

Но это лишь одна из причин...

Только три пассажирки относились ко мне дружелюбно: миссис Грю, Герди и миссис Роуьер. Миссис Роуьер я встретила раньше всех и поначалу думала, что она мне понравится. Конечно, она скучновата, но к скуке у меня иммунитет, а она была приветлива со мной. Я повстречалась с нею в кают-компании в первый же день. Она поймала мой взгляд, улыбнулась, пригласила присесть рядом и засыпала вопросами о моей жизни на Марсе.

Я рассказала, хотя и не всю правду. Я сказала, будто Па – учитель, а мама воспитывает детей и что мы с братом путешествуем при нашем дяде. Нехорошо хвастать своими предками, это невежливо, а ведь могут и не поверить. Гораздо лучше, если люди сами узнают все хорошее о твоей семье. При этом можно надеяться, что ничего плохого до них не дойдет. (Я не хочу сказать, что за мамой и Па числится что-то плохое.)

Я сказала, что меня зовут Подди Фрайз.

– Подди? – переспросила она. – Мне кажется, в списке пассажиров я видела другое имя.

– Да, верно, мое полное имя – Подкейн, – объяснила я. – В честь марсианского святого. Она о таком слыхом не слыхивала.

– Довольно странно давать девочке мужское имя, – вымолвила она.

Конечно, мое имя действительно необычно, даже среди людей Марса, но не по этой причине.

– Возможно, – согласилась я, – но ведь пол у марсиан – довольно условное понятие.

– Ты шутишь! – выпучилась она.

Я начала было объяснять, как марсианин перед созреванием выбирает один из трех полов... и что это имеет значение лишь на кратком этапе его жизни.

Но вскоре я сдалась, увидев, что уперлась в глухую стенку. Миссис Роулер просто не могла вообразить другую жизнь, непохожую на ее собственную. Поэтому я быстро сменила тему:

– Святой Подкейн жил очень давно. Никто в точности не знает, мужчина это или женщина. Это просто традиция.

Конечно, традиция эта вполне определена, и многие из живущих ныне настоящих марсиан ведут свой род от святого Подкейна. Па говорил, что мы точнее знаем то, что было на Марсе миллион лет назад, чем то, что было две тысячи лет назад на Земле. Во всяком случае, большинство марсиан включают «Подкейн» в длинный список своих имен – у них в ходу эталонный генеалогический конспект. Считается, что он (или она, или оно) может в трудную минуту прийти на помощь своему «крестнику».

Как я уже говорила, Па – романтик, и ему показалось, что будет здорово снабдить девочку таким сильным покровителем. Я не романтична и не суеверна, но мне нравится носить имя, принадлежащее только мне, и никому другому из людей. Лучше быть Подди Фрайз, чем одной из сонмища Элизабет, Дороти или еще каких-нибудь.

Но я заметила, что миссис Роулер это поставило в тупик, так что мы вскоре сменили тему. С высот своего опыта «старого космического волка», основанного на единственном перелете с Земли на Марс, она поведала мне много всякого о кораблях и космических полетах. В большинстве своем ее суждения и рядом не лежали с истиной, но я слушала и не перебивала. Она представила меня кое-кому из пассажиров и выложила массу сплетен о них, об офицерах корабля et cetera. Между делом она ознакомила меня со своими хвоями, болячками и симптомами, поведала, какая важная шишка ее сын и какой важной шишкой был ее покойный муж, пообещала познакомить с *достойными людьми*, когда прибудем на Землю.

– Возможно, в отдаленных поселениях, вроде Марса, этому не придают особого значения, но в Нью-Йорке *ужасно важно правильно начать!*

Я определила ее для себя как глупую, но безвредную болтушку.

Однако очень скоро я обнаружила, что не могу от нее отделаться. Когда я шла через каюткомпанию в центр управления, она ловила меня, и я не могла удрать, не прибегая к прямой грубости или явной лжи.

Вскоре она начала использовать меня как девочку на побегушках. «Подкейн, дорогая, не могла бы ты сходить ко мне в каюту за лиловой шалью? Она, кажется, на кровати... или в шкафу. Что-то меня знобит» или «Подди, детка, я звонила-звонила, а стюардесса словно оглохла. Принесешь мне книгу и вязанье? А заодно – чашечку чая из буфетной».

Ну ладно, я здоровая, а у нее, может, трещат коленки. Но это продолжалось бесконечно... а чуть погодя, вдобавок к личной стюардессе, я сделалась и ее личной сиделкой. Сначала она попросила почитать ей на сон грядущий. «Такая ужасная мигрень, а твой голос, лапочка, так успокаивает».

Целый час я читала, а потом еще час растирала ей виски и затылок. Конечно, человек время от времени должен для тренировки оказывать другим мелкие услуги. У мамы, когда она переработает, бывают жуткие головные боли, и массаж хорошо помогает.

В этот раз ей вздумалось заплатить мне. Я отказалась. Она настаивала:

– Ну-ну, детка, не спорь с тетей Флосси.

Я сказала:

– Нет, миссис Роулер. Лучше передайте эти деньги в Фонд инвалидов космоса. А я не могу их взять.

Она сказала «фи» и «ерунда», при этом попыталась всунуть их мне в карман. Но я увернулась и пошла спать.

За завтраком я ее не видела – ей подают в каюту. Однако еще до полудня стюардесса сообщила, что миссис Роулер хочет меня видеть в своей каюте. Это было совсем не ко времени: мистер Суваннавонг сказал, что если я зайду в рубку часам к десяти, в его вахту, то увижу весь процесс коррекции курса и он объяснит мне все стадии. Если она убьет более пяти минут моего времени, я опоздаю.

Все же я заглянула к ней. Она была, как и всегда, приветлива:

– А вот и ты, дорогая! Я так долго тебя ждала. Эта дура-стюардесса... Подди, милочка, вчера ты прямо чудо сотворила... а сегодня у меня буквально отнялась спина. Ты представить себе не можешь, как это ужасно! Вот если бы ты, по своей ангельской доброте, чуть-чуть помассировала меня... ну с полчасика, я бы воспрянула. По-моему, массажный крем вон там, на туалетном столике... Помогите мне, пожалуйста, снять халат.

– Миссис Роулер...

– Да, душечка? Крем вон в том толстом розовом тюбике. Нужно всего...

– Миссис Роулер, я не могу. У меня назначена встреча.

– Как так, дорогая? Ой, все это глупости, пусть подождут. На этом корабле ничего не делается вовремя. Тебе, наверное, лучше нагреть ладони перед...

– Миссис Роулер, я не собираюсь этого делать. Если у вас болит позвоночник, я и дотрагиваться до него не должна, можно покалечить. Если хотите, я попрошу врача зайти к вам.

Внезапно от ее приветливости и следа не осталось.

– Ты хочешь сказать, что не желаешь этого делать?

– Можно сказать и так. Позвать вам врача?

– Ах ты гадкая... убирайся вон!

Я убралась.

Я встретила ее в коридоре, когда шла на обед. Она смотрела сквозь меня, я тоже промолчала. Шла она ровно, – видно, ее спине полегчало. В тот день мы встречались еще дважды, и оба раза она меня в упор не видела.

Утром следующего дня я торчала в кают-компании у визора – изучала учебную пленку мистера Клэнси о сближении и стыковке с помощью радара. Визор стоит в углу, за рядом искусственных пальм, и, возможно, они меня не заметили. А может, им было наплевать.

Я прервалась, чтобы отдохнули глаза и уши, и услышала голос миссис Гарсиа. Она разговаривала с миссис Роулер.

– ...я просто не могу смириться с тем, что они превратили Марс в источник прибыли. Почему они не оставили его диким и прекрасным?

М-с Роулер. Чего же от них ожидать? Это жуткие люди!

Официальный язык корабля – орто, но многие пассажиры беседуют по-английски и часто с таким видом, будто никто не способен их понять. Эти даже не понижали голоса. Я решила слушать дальше.

М-с Гарсиа. Именно это я говорила миссис Римски. Они же все преступники.

М-с Роуиер. Если не хуже. Вы заметили эту маленькую марсианку? Племянницу, как они говорят, этого огромного черного дикаря?

Я сосчитала от десяти до нуля на древнемарсианском и напредила себе, чем карается убийство. Я не против, когда меня называют «марсианкой». Они же ни черта не знали о Марсе, и уж во всяком случае, это не походило на оскорбление. Марсиане имели высокую культуру задолго до того, как люди поднялись с четверенек. Но «черный дикарь»! Дядя Том такой же смуглый, как я светлая. Маорийская кровь плюс марсианский загар подарили ему красивый цвет старой выделанной кожи. Не знаю, как другим, а мне нравится. И уж конечно, дядя Том никакой не дикарь – он умный, воспитанный, вежливый... и, где бы он ни появился, все его уважают.

М-с Гарсия. Да, видела. По-моему, ничего особенного. Конечно, она эффектна, но все это дешевка, хотя и привлекает мужчин определенного сорта.

М-с Роуиер. Дорогая, вы не знаете и половины всего. Я попыталась ей помочь – мне было искренне ее жаль, и я всегда готова помочь тем, кто ниже меня по положению.

М-с Гарсия. Ну конечно, дорогая.

М-с Роуиер. Я попробовала намекнуть ей, как правильно вести себя с приличными людьми. Я даже платила ей за разные мелкие услуги, чтобы она не чувствовала себя неловко. Но она оказалась неблагодарной тварью – вообразила, что может выжать из меня побольше. Она так грубо себя повела, так грубо, что я даже испугалась за свою жизнь. Мне пришлось выставить ее из моей каюты.

М-с Гарсия. Вы мудро поступили, что отделались от нее. Кровь – хорошая или дурная – всегда дает себя знать. А смешанная кровь – это хуже всего. Сначала преступники... а потом это бесстыдное смешение рас! В этой семейке все налицо. Мальчишка совсем не похож на сестру, а дядя... хм... Вы ведь намекнули на это, дорогая? Вам не кажется, что она ему вовсе не племянница... а, скажем, гораздо ближе?

М-с Роуиер. Это на них похоже!

М-с Гарсия. Ну же, Флосси, расскажите, что вам известно.

М-с Роуиер. Да ничего я не говорю. Но у меня есть глаза – как и у вас.

М-с Гарсия. И это на виду у всех!

М-с Роуиер. Вот чего я никак не пойму – почему «Линия» позволяет *этим* жить вместе с *нами*. Может, она и обязана возить их по какому-то глупому договору, но нельзя же заставлять нас общаться с ними... и даже есть за одним столом!

М-с Гарсия. И я так же думаю. Как только вернусь домой, сразу же напишу им все, что об этом думаю. Всему есть предел. Знаете, мне сперва показалось, что капитан Дарлинг – джентльмен... Но когда я увидела этих созданий за его столом... я прямо глазам своим не поверила. Мне чуть не стало дурно!

М-с Роуиер. Да, конечно. Но ведь капитан и сам родом с Венеры.

М-с Гарсия. Но на Венеру никогда не высылали преступников. И этот мальчишка... он сидит на моем месте, на моем стуле!

(Я отметила для себя: попросить главного стюарда заменить Кларку стул. Еще заразится, чего доброго.)

На этом они покончили с нами, «марсианками», и принялись перемывать косточки Герди, жаловаться на пищу и обслуживание и даже за глаза лягать кое-кого из своей шайки. Но я уже не слушала, просто молча сидела и молилась, чтобы достало терпения посидеть молча еще чуток: если бы они меня заметили, я бы их проткнула их же спицами.

Наконец они ушли поднабраться сил для второго завтрака. Я вскочила, переоделась в спортивный костюм и понеслась в зал, чтобы как следует измотаться и никого не покалечить.

Там я встретила Кларка и сказала ему все, что было нужно, – или немножко больше, чем нужно.

Глава 7

Мистер Суваннавонг сказал, что в любой момент мы можем попасть в радиационный шторм и что сегодня у нас будет учебная тревога, для практики, так сказать. Станция солнечной погоды на Меркурии сообщила, что наступает сезон вспышек. Предупреждены все корабли и обитаемые спутники. Предполагают, что сезон вспышек продлится около...

Хоп! Учебная тревога застала меня на середине фразы. Мы получили свою тренировку, и, думаю, капитан хорошенько напугал всех пассажиров. Кое-кто хотел наплевать на тревогу – их приволокли члены команды, облаченные в тяжелые скафандры. Приволокли и Кларка. Он оказался последним, кого выследили, и капитан Дарлинг публично отчитал его (выговор был шедевром ораторского искусства), а под конец пообещал, что, если в следующий раз Кларк не окажется в убежище первым, он безвылазно проведет там весь остаток рейса.

Кларк выслушал все это с обычной своей деревянной физиономией, но его, похоже, проналяло, особенно угроза ограничения свободы. Уверена, что и на прочих пассажиров речь произвела должное впечатление. От таких словес за двадцать шагов волосы дыбом встают. Похоже, что именно для прочих она и предназначалась.

Потом капитан заговорил тоном терпеливого учителя и простыми словами объяснил, почему нужно бежать в убежище сразу же, даже если принимаешь в это время ванну, и почему все будут в безопасности, если выполнят инструкцию.

Он сказал, что во время солнечных вспышек возникает излучение, очень похожее на рентген. («И кое-что еще», – мысленно добавила я.) Такое излучение всегда присутствует в космосе, но вспышки делают его в 1000, а то и в 10 000 раз интенсивнее «нормального», а поскольку мы уже внутри орбиты Земли, это, мягко выражаясь, не подарок: незащищенного человека убивает быстрее, чем пуля в затылок.

Потом он рассказал, почему мы обходимся без брони в 1000 или в 10 000 раз толще нашей. Действует принцип каскада: внешний корпус поглощает более 90 % любого излучения; следом идет «кессон» (грузовые отсеки и баки с водой) – он задерживает еще немного. Потом идет внутренний корпус – цилиндр, на котором расположены каюты первого класса.

Во всех обычных случаях такой защиты хватает – уровень радиации в каютах ниже, чем у нас на Марсе, ниже, чем в большинстве мест на Земле, особенно в горах. Я так хочу посмотреть на земные горы, просто жуть!

Но вот в один прекрасный день на вас обрушивается по-настоящему плохая солнечная буря, и уровень радиации внезапно увеличивается в 10 000 раз. Можно во сне получить смертельную дозу и проснуться уже на том свете.

Волноваться, однако, не стоит. Убежище находится в самом центре корабля, под защитой еще четырех корпусов, и каждый задерживает свыше 90 % того, что на него попадает. Примерно так:

10 000
1000 (после первого внутреннего корпуса, это потолок пассажирской палубы)
100 (после второго корпуса)
10 (после третьего корпуса)
1 (после четвертого, внутри убежища)

На самом же деле защита гораздо лучше, и во время солнечной бури в убежище безопаснее, чем в Марсополисе.

Единственное (зато большое) неудобство – убежище расположено на центральной оси корабля, чуть позади центра управления и немногим его больше. Пассажиры плюс команда

теснятся в нем как сельди в бочке. Мое место – ячейка чуть подлиннее, чем я сама, шириной в полметра и еще полметра в высоту. С обеих сторон торчат локти моих соседок. Я не страдаю клаустрофобией, но даже в гробу, наверное, просторнее.

Паек – сплюснутые консервы, которые хранятся там на случай чрезвычайных ситуаций, а средства личной гигиены иначе как «ужасными» не назовешь. Молю бога, чтобы это был просто солнечный шквал, за которым обычно следует хорошая «погода». Если нам суждено сидеть в убежище до Венеры, чудесное путешествие обернется кошмаром.

Капитан закончил так:

– У нас, вероятно, будет от пяти до десяти минут после предупреждения со станции «Гермес». Но это вовсе не значит, что вы будете добираться до убежища пять минут. Как только прозвучит сигнал тревоги, немедленно бегите в убежище! Со всех ног. Если вы раздеты, позаботьтесь прихватить что-нибудь, а одеваться будете уже здесь. Если вы задержитесь хоть на секунду, вы можете погибнуть.

Члены команды после сигнала обыщут всю пассажирскую зону. У них приказ – силой тащить в убежище любого, кто шевелится недостаточно быстро. Они не будут церемониться, я разрешаю им бить, пинать и волоочь по полу.

И последнее. Кое-кто из вас пренебрегает личными счетчиками облучения. Закон позволяет мне наложить за это крупный штраф. Обычно я смотрю на это сквозь пальцы – здоровье ваше, не мое. Но во время чрезвычайной ситуации счетчики обязательны. Всем вам раздадут новые счетчики, старые нужно сдать врачу. Он снимет их показания и занесет данные в ваши карточки.

Потом он скомандовал отбой, и мы, потные и взъерошенные (я, во всяком случае), вернулись в пассажирскую зону. Едва я начала умываться, как сигнал тревоги зазвучал снова, и я пронеслась через четыре палубы со скоростью перепуганной кошки.

Кларк обошел меня на полдороге.

Это была всего лишь очередная тренировка. На этот раз все пассажиры уложились в четыре минуты, и капитан остался доволен.

До сих пор я спала голышом, но отныне каждую ночь буду надевать пижаму, а рядом класть халат, пока это не закончится. Конечно, капитан Дарлинг – душа, но слов на ветер не бросает. А я не хочу изображать леди Годиву¹⁰, тем более что на корабле нет ни одной лошади.

Вечером за ужином не было ни миссис Роуиер, ни миссис Гарсиа, хотя обе проявляли изумительную прыть, как только раздавался сигнал тревоги. И в кают-компании после ужина их не было; каюты их были заперты, и я видела, как от миссис Гарсиа выходил врач.

Забавно. Не отравил же их Кларк, в самом деле? А может, и отравил. Самого его я спросить не решаюсь, боюсь услышать ответ.

Узнавать что-либо у врача значило привлечь внимание к семье Фрайз. Хорошо быть экстрасенсом и уметь видеть сквозь стены (если такое вообще возможно). Я бы посмотрела, что скрывается за этими закрытыми дверями.

Надеюсь, таланты Кларка не проявились здесь в полной мере. Конечно, я по-прежнему зла на этих двух... потому что во всех пакостях, которые они изрыгали, ровно столько правды, чтобы разозлить. У меня действительно смешанная кровь. Кое-кому это может не нравиться, но на Марсе это в порядке вещей. Среди моих предков есть ссыльные, но я никогда этого не стыдилась. Разве что чуточку, хотя предпочитаю думать о предках как о тщательно отобранных. Ведь «ссыльный» – не обязательно «преступник». Было время, когда на Земле заправляли

---

¹⁰ Леди Годива, графиня Ковентри, проехала по улицам города обнаженной, чтобы избавить подданных от непосильных податей, наложенных ее супругом.

комиссары, а Марс служил исправительной колонией для инакомыслящих. Это все знают, и мы даже не думаем это скрывать.

Подавляющее большинство ссыльных были политзаключенными – «контрреволюционерами» и «врагами народа». Что тут плохого?

В любом случае затем наступил намного более долгий период, когда на Марс прибыли колонисты, их было раз в пятьдесят больше, чем ссыльных, и каждый из них отбирался тщательнее, чем невеста выбирает подвенечное платье. Только намного научнее. И наконец, после нашей Революции с приходом независимости наступил период, когда мы отменили все препоны для въезда и рады приветствовать любого человека, нормального умственно и физически.

Нет, я не стыжусь ни своих предков, ни своего народа, какого бы цвета ни была их кожа и каким бы ни было их происхождение. Я горжусь ими. И меня бесит, если кто-то над ними насмехается. Кстати, ручаюсь головой, что эти две гримзы не получили бы вида на жительство даже при нынешней политике открытых дверей. Они же слабоумные! Но я все же надеюсь, что Кларк не хватил через край. Я бы не хотела, чтобы он провел всю оставшуюся жизнь на Титане. Я люблю этого маленького негодяя.

Типа того.

Глава 8

Не миновал нас этот радиационный шторм. Я бы лучше крапивницей переболела. Нет, сам по себе шторм вышел не страшный. Радиация подскочила всего в 1500 раз выше нормы для этих мест – мы сейчас в 0,8 астрономической единицы от Солнца, то есть примерно в 120 миллионах километров, если пользоваться более наглядными мерами. Мистер Суваннавонг сказал, что хватило бы перевести пассажиров первого класса на палубу второго. Конечно, это было бы удобнее, чем запихивать пассажиров и команду в этот мавзолей абсолютной безопасности в центре корабля. Каюты второго класса – тесные и мрачные, а что до третьего... лучше уж лететь вместе с грузом.

Но второй и третий покажутся раем после 18 часов в радиационном убежище.

Первый раз я позавидовала пассажирам-инопланетянам. Они не спешат в убежище, а остаются в своих специально оборудованных каютах. Их вовсе не бросают на произвол судьбы, их каюты с индексом «Х» находятся почти в самом центре корабля, рядом с отсеками команды. Кроме того, у них автономная защита. Нельзя же ожидать, например, от марсианина, что он решит обходиться без привычных давления и влажности и присоединится к нам, людям, в убежище. Это все равно что сунуть его головой в ванну и подержать там. Конечно, если бы у него была голова.

И все же лучше уж потерпеть 18 часов, чем всю дорогу сидеть взаперти в одной клетушке. Правда, марсианин способен все это время (и даже дольше) рассматривать тонкую разницу между понятиями «ноль» и «ничто», а венерианин попросту впадает в спячку. Но все это не по мне. Приключения нужны мне больше, чем покой, а то меня переклинит – и дым из ушей пойдет.

Капитан не знает заранее, долгой будет буря или короткой. Он обязан предположить худшее и обеспечить безопасность пассажиров и команды. Потом выяснилось, что между сигналом тревоги и первым ударом бури прошло одиннадцать минут. Но это было потом... а капитан, если он задним умом крепок, угробит и корабль, и экипаж, и пассажиров.

Я начала понимать, что быть капитаном – это не только принимать приветствия, носить четыре золотых шеврона и участвовать в разных рискованных приключениях. Капитан Дарлинг моложе Па, но выглядит старше – из-за постоянной озабоченности на лице.

Вопрос: Подди, ты уверена, что у тебя есть задатки капитана исследовательского корабля?

Ответ: А что такое было у Колумба, чего нет у меня? Не считая, конечно, королевы Изабеллы. *Semper toujours*¹¹, девчонка!

Я часто бывала в центре управления перед бурей. Станция «Гермес» на самом деле не предупреждает о приближении бури, скорее наоборот. Она *не* предупреждает, что буря *не* началась. Звучит, конечно, диковато, но дело тут вот в чем.

Наблюдатели «Гермеса» работают в абсолютной безопасности – в бункерах на теневой стороне Меркурия. Их приборы осторожно заглядывают за горизонт в зоне терминатора и выжимают из Солнца всю возможную информацию, включая непрерывные телефото на волнах разной длины.

Но Солнце совершает полный оборот за 25 дней, поэтому «Гермес» не может наблюдать его все время целиком. Еще хуже, что Меркурий и сам обращается вокруг Солнца в направлении его вращения, совершая один оборот за 88 дней, так что, когда Солнце снова поворачи-

---

¹¹ «Всегда» на латыни и французском, пародирует девизы, которые в ходу у американских военных.

вается к Меркурию той же стороной, его там уже нет. Все это приводит к тому, что «Гермес» наблюдает одно и то же место на Солнце примерно раз в семь недель.

Само собой разумеется, что так нельзя предсказать бурю, которая может сформироваться за день-другой, набрать силу за считанные минуты и убить вас за считанные секунды (или еще быстрее).

Правда, за солнечной погодой приглядывают и с Луны, и с искусственного спутника Венеры, и немножко с Деймоса, но информация с этих станций запаздывает на Меркурий из-за ограниченной скорости света. Около 15 минут опоздания для Луны и 1000 секунд для Деймоса... многовато, когда счет идет на секунды.

Но сезон сильных бурь занимает небольшую часть солнечного цикла, в жизни нашей переменной звезды это примерно один год из шести. (Я имею в виду настоящие, марсианские годы. А в земных годах, за которые все еще цепляются астрономы, солнечный цикл длится одиннадцать лет.)

Это облегчает положение: пять лет из шести корабли могут летать без особого риска.

А вот в сезон бурь осторожный шкипер (а только такие и доживают до пенсии) спланирует полет так, чтобы оказаться в самой опасной зоне, внутри орбиты Земли, в то время, когда Меркурий лежит между ним и Солнцем, чтобы «Гермес» всегда мог предупредить его. Именно так поступил капитан Дарлинг: «Трезубец» задержался на Деймосе почти на три недели. Намного дольше, чем требуется на осмотр марсианских достопримечательностей, разрекламированных «Треугольником». И все для того, чтобы подойти к Венере под контролем «Гермеса», – ведь сейчас самая середина сезона бурь.

Надо думать, для бухгалтерии «Линий» эти задержки – нож острый; должно быть, в сезон бурь они терпят сплошные убытки. Но лучше уж потерять три недели, чем корабль со всеми пассажирами.

Когда начинается буря, радиосвязь тут же летит ко всем чертям – и станция «Гермес» уже не может предупредить корабли в космосе.

Безвыходная ситуация? Не совсем. «Гермес» может обнаружить формирующуюся бурю, распознать такую ситуацию на Солнце, которая почти наверняка закончится вспышкой. И тогда они посылают штормовое предупреждение, а на «Трезубце» и других кораблях проводят учебные тревоги. А потом наступает ожидание. Мы ждем день, два или целую неделю, а буря тем временем или скисает, или развивается и начинает плевать всякой гадостью по всем осям координат. И все это время радиостанция космической гвардии на темной стороне Меркурия непрерывно передает штормовое предупреждение и сводку состояния Солнца...

...и вдруг передача прерывается.

Возможно, упало напряжение в сети «Гермеса», и вскоре включится аварийный передатчик. Возможно, виновато обычное «затухание» радиоволн, а буря еще не разразилась, и вскоре «Гермес» пришлет ободряющую сводку.

Но возможно и такое, что первый солнечный шквал обрушился на Меркурий со скоростью света, выжег глаза станции и заглушил ее голос чрезвычайно мощным излучением.

Вахтенный офицер в центре управления корабля ничего не знает наверняка, а рисковать не имеет права. Как только связь со станцией «Гермес» прерывается, он в ту же секунду бьет ладонью по клавише, запускающей большой таймер. Когда тот отсчитает положенное число секунд (и если «Гермес» еще молчит) – раздается сигнал общей тревоги. Положенное число секунд зависит от того, где находится корабль, насколько далеко он от Солнца и когда ударный фронт волны, накрывшей станцию «Гермес», до него доберется.

Вот тут-то капитан начинает грызть ногти и зарабатывает седину и высокое жалованье... Ведь именно он должен решать, на сколько секунд отсрочить тревогу. Собственно, если учесть, что первый шквал движется со скоростью света, у него вообще нет времени, потому что передний фронт волны придет к нему в то же мгновение, когда прервется передача. Или если

угол приема сигналов неблагоприятный, возможно, это его собственный радиоприемник забит помехами, а станция «Гермес» все еще пытается с ним связаться и посылает свои последние предупреждения. Он не знает.

Но он хорошо знает, что, если всякий раз будет включать сирену и гнать всех в убежище, людям это надоест, они перестанут пугаться и в случае настоящей тревоги среагируют недостаточно быстро.

Еще он знает, что наружная обшивка останавливает любое излучение электромагнитного спектра. Из всех фотонов (ничто другое не распространяется со скоростью света) только самое жесткое рентгеновское излучение способно проникнуть в пассажирскую зону, да и то немного. Но чуть погода приходит настоящая опасность – тяжелые, средние, легкие частицы – весь обычный мусор ядерного взрыва. Все это летит быстро, но не со скоростью света. До встречи с ними людей надо укрыть в убежище.

Капитан Дарлинг, исходя из положения корабля и сводки «Гермеса», установил отсрочку в 25 секунд. Я спросила, почему он выбрал именно этот интервал, а он только осклабился без особого веселья и сказал: «Посоветовался с духом моего дедушки».

Пока я была в рубке, дежурный пять раз включал секундомер... и пять раз связь со станцией «Гермес» восстанавливалась до того, как падал флажок, и переключатель возвращали на место.

На шестой раз секунды истекали одна за другой, мы ждали, затаив дыхание... но связь с «Гермесом» не восстановилась, и сигнал тревоги взвыл, словно трубы Страшного суда.

Капитан повернулся и с каменным лицом двинулся к люку радиационного убежища. Я осталась на месте, надеясь, что мне позволят остаться в центре управления. Собственно, центр – тоже часть радиационного убежища, он расположен рядом с ним и окружен теми же слоями каскадной защиты.

Просто удивительно, сколько людей уверены, будто капитан управляет кораблем, глядя в иллюминатор, словно каким-то пескоходом. Все, конечно, по-другому. Центр управления расположен в глубине корабля, а управлять гораздо удобнее с помощью экранов и навигационных приборов. Единственный смотровой иллюминатор расположен на носовом конце главной оси «Трезубца». Он сделан для того, чтобы пассажиры могли полюбоваться звездами. Но мы все время движемся «носом к Солнцу», а в таком положении обзорная не защищена от солнечной радиации корпусом корабля, так что всю поездку она была закрыта.

Я знала, что здесь я в безопасности, и чуть задержалась – авось меня, как «любимицу капитана», оставят здесь, и не придется проводить часы или даже дни на тесной полке среди балаболок и истеричек.

Я могла бы и сама догадаться. Капитан чуть задержался у входа в люк и отрывисто произнес: «Пойдемте, мисс Фрайз».

Я пошла. Он всегда называл меня просто «Подди», но на этот раз в его голосе сквозил металл.

В убежище уже вваливались пассажиры третьего класса, идти им было ближе всех, а члены команды распределяли их по койкам. После первого предупреждения с «Гермеса» экипаж перешел на авральный график: вместо одной вахты в сутки они дежурили четыре часа и четыре часа отдыхали. Часть команды всегда были в антирадиационных скафандрах (надо думать, это дьявольски неудобно) и торчали в пассажирской зоне. Им запрещено снимать скафандры, пока не придет смена, тоже одетая в скафандры. Это «охотники», они, рискуя жизнью, проверяют всю пассажирскую зону, разыскивая отставших, а затем стараются как можно быстрее добраться до убежища, чтобы не нахвататься радиации. Все они – добровольцы. «Охотники», занятые по сигналу тревоги, получают солидную премию, а те, кто к этому времени сменился, – премию поменьше.

Первым отрядом «охотников» командует старший помощник, вторым – казначей, но они не получают ни гроша, даже если дежурят во время тревоги. По закону и традициям они последними входят в убежище. Мне это не кажется справедливым... но это считается не только их обязанностью, но и делом чести.

Остальные члены команды по очереди дежурят в убежище, вооружившись списками пассажиров и схемами их размещения.

Обслуживание заметно ухудшилось в эти дни: большую часть команды сняли с обычных обязанностей (у них теперь одна обязанность, и они должны исполнить ее быстро, при первом же звуке тревоги). Большинство постов по тревожному расписанию занимает именно обслуживающий персонал: инженеров, связистов и иже с ними нельзя отрывать от работы. Так что каюты весь день остаются неприбранными (если только вы не заправите за собой кровать и сами не наведете порядок, как я), обед затягивается вдвое, а обслуживание в кают-компании и вовсе отменено.

Казалось бы, пассажиры должны понимать неизбежность этих временных мелких неудобств и благодарить людей, которые обеспечивают их безопасность.

Как бы не так! Поверьте этому – и вы поверите чему угодно. Вы ничего не видели в жизни, если не видели пожилого богатого землянина, лишенного привычных удобств. Он считает их своим неотъемлемым правом, потому что полагает, что они входят в стоимость билета. Я видела, как одного такого чуть удар не хватил, а ведь он в возрасте дяди Тома и должен бы соображать, что к чему. А он побагровел, нет, реально побагровел, понес околесицу, и все потому, что официант не сразу принес ему новую колоду карт.

Официант в это время сидел в скафандре и не мог покинуть свой пост, а стюард пытался успеть в три места разом, да еще отвечал на вызовы из кают. Но нашему славному попутчику на все это было наплевать; пока он был в состоянии говорить, он пригрозил вчинить иск «Линии» и всем ее директорам.

Конечно, не все ведут себя так. Миссис Грю, несмотря на полноту, сама заправляет постель и никогда не теряет терпения. И некоторые из тех, кто раньше требовал массу услуг, тоже стараются обойтись собственными силами.

А некоторые ведут себя прямо как избалованные дети. Это и в детях-то неприятно, а уж в дедушках и бабушках – просто отвратительно.

Итак, я вошла вслед за капитаном в убежище и сразу же убедилась, как четко работает тревожная команда «Трезубца». Меня схватили прямо в воздухе, как мяч, и передали из рук в руки. Конечно, мы были на главной оси корабля, а при 0,1 g это нетрудно, но все равно дух захватывает. Еще одна пара рук запихнула меня в мою ячейку так же небрежно и безразлично, как хозяйка укладывает чистое белье. Кто-то крикнул: «Фрайз Подкейн!» – а другой ответил: «Есть».

Места вокруг меня, выше и ниже, слева и справа, заполнялись удивительно быстро – команда работала с размеренной эффективностью автоматического сортировщика почтовых капсул. Где-то плакал ребенок, и сквозь плач я услышала, как капитан спросил: «Это последняя?»

«Последняя, капитан, – ответил казначей. – Как со временем?»

«Две минуты тридцать семь секунд. Твои ребята могут подсчитывать фишки – тревога не учебная».

«Я так и подумал, шкипер. Значит, я выиграл пари у старпома».

Тут казначей пронес кого-то мимо моей ячейки. Я попыталась сесть, треснулась головой, и глаза мои полезли на лоб.

Пассажирка, которую он нес, была в обмороке – голова ее моталась из стороны в сторону по его руке. Сначала я не узнала ее, потому что лицо у нее было ярко-ярко красное. Потом чуть не упала в обморок сама: это была миссис Роулер.

Эритема – первый симптом при любом сильном облучении. Даже когда перекалишься на солнце или под ультрафиолетовой лампой, первое, что бросается в глаза, – розовая или ярко-красная кожа.

Но как ее угораздило так быстро схватить такую дозу, что даже кожа покраснела? Неужели потому, что ее принесли последней?

В таком случае обморок здесь ни при чем. Она была мертва.

А это значило, что те из пассажиров, кто последними добрался до убежища, получили две или три смертельные дозы. Они еще ничего не чувствуют и могут прожить еще несколько дней. Но они так же мертвы, как если бы лежали в море.

Сколько их! Догадаться я не могла. Возможно, точнее, *вероятно*, – все пассажиры первого класса, им дольше всех добираться, да и защита тоньше.

Дядя Том и Кларк...

Тут на меня накатила черная тоска, и я пожалела, что была в это время в центре. Если дядя Том и Кларк при смерти, мне и самой незачем жить.

Не помню, чтобы я хоть в малой степени жалела миссис Роуиер. Конечно, ее пылающее красное лицо меня ужаснуло. Но ведь, правду сказать, я ее терпеть не могла, я считала ее саму паразитом, а ее суждения – достойными лишь презрения. Умри она от сердечной недостаточности, клянусь, я не потеряла бы аппетита. Никто ведь не точит слез над теми миллионами и миллиардами, что умерли в прошлом... или по тем, что еще живут, и тем, кому предстоит родиться, чье единственное и неоспоримое наследие – смерть. Включая и саму Подкейн Фрайз. Так не глупо ли реветь, оттого что оказалась рядом, когда та, кого ты не любишь – фактически презираешь, – отдает концы?

Некогда мне было ее жалеть – я горевала о братишке и дяде. Я казнила себя, что не жалела дядю Тома, по каждому поводу садилась ему на шею и заставляла все бросать, чтобы помочь мне с моими дурацкими проблемами. И за то, что так часто дралась с Кларком. Он, в конце концов, был ребенком, а я женщина, должна понимать.

Глаза мои наполнились слезами, и я чуть не пропустила первые слова капитана.

– Спутники, – сказал он твердым и очень успокаивающим голосом, – моя команда и наши гости на борту «Трезубца»... это не тренировка, это настоящий радиационный шторм.

Пожалуйста, не волнуйтесь. Все мы и каждый из нас – в абсолютной безопасности. Наш врач проверил личный счетчик у последнего, кто вошел в убежище. Его показания не внушают опасений. Даже если сложить их с общей дозой облучения самого облученного человека на борту – это, кстати, не пассажир, а один из членов команды, – сумма окажется ниже опасной для здоровья и сохранности генов.

Повторяю. Никто не пострадал и теперь уже не пострадает, нам просто предстоит испытать некоторые неудобства. Я хотел бы вам сказать, сколько времени придется сидеть в убежище, но сам не знаю. Может быть, несколько часов, может – несколько дней. Самый долгий радиационный шторм продолжался менее недели. Надеюсь, что старина Сол рассердился не всерьез. Но нам придется сидеть здесь, пока с «Гермеса» не дадут отбой. Когда шторм закончится, понадобится еще немного времени, чтобы проверить корабль и уровень радиации в ваших каютах. А пока будьте терпеливы и терпимее друг к другу.

Стоило капитану заговорить, и мне стало легче. Его голос завораживал, он успокаивал нас, как материнская колыбельная – младенца. Я немножко отошла от пережитых страхов, но чуть позже принялась размышлять. Мог ведь капитан Дарлинг сказать нам, что все в порядке, когда на самом деле все совсем не так, просто потому, что уже поздно и ничего не поделаешь?

Я перебрала в уме все, что знала о лучевом поражении, начиная с детсадовского курса личной гигиены и кончая одной из пленок мистера Клэнси, которую я просмотрела на этой неделе.

И решила, что капитан сказал чистую правду.

Почему? Потому что, если бы даже сбылись мои самые худшие опасения и нас приложило бы так сильно, словно рядом рванула ядерная бомба, все равно можно было бы кое-что предпринять. Нас поделили бы на три группы. В первую вошли бы те, кто совсем не пострадал и наверняка не умрет (это все, кто в этот момент находился в центре управления или в убежище, плюс все или почти все пассажиры третьего класса, если они не мешкали). Вторая группа – облученные так страшно, что умрут наверняка, несмотря ни на что (скажем, пассажиры первого класса). И наконец, третья группа, не сказать насколько большая, – те, кто облучен опасно, но может быть спасен, если действовать быстро и решительно.

В этом случае сейчас бы происходили эти самые «быстрые и решительные» действия.

У нас забрали бы личные счетчики и заново нас пересортировали, выбирая тех, кто нуждается в немедленном лечении, кололи бы морфий обреченным и отделяли бы их от прочих, а тех, кто был в безопасности, собрали бы в кучу, чтобы не путались под ногами, или приставили бы помогать медсестрам, которым требуется помощь.

Вот как должно бы быть. Но ничего такого не происходило, абсолютно ничего – только слышалось бормотание и рев малышей. Даже на наши счетчики не смотрели. Похоже, врач и в самом деле проверял их только у аутсайдеров.

Следовательно, капитан сообщил нам простую и ласкающую сердце истину.

Я так обрадовалась, что у меня вылетело из головы поинтересоваться, почему миссис Роуиер выглядит как спелый помидор. Улеглась поудобнее и начала обсасывать теплый и счастливый факт: мой милый дядя Том не собирается умирать, а братик проживет достаточно долго, чтобы причинить мне кучу мелких хлопот. Я даже задремала...

...и вдруг моя соседка справа завизжала: «Выпустите меня отсюда! Выпустите меня отсюда!!!»

Вот тут-то я и увидела «быстрые и решительные действия» в чрезвычайном положении.

К нам вскарабкались двое из команды и сцапали ее. За ними поднялась стюардесса. Она мгновенно запечатала ей рот клейкой лентой и сделала укол в руку. Потом они держали ее, пока она не перестала трепыхаться. Когда она затихла, один из членов экипажа вытащил ее из ячейки и куда-то унес.

Вскоре появилась другая стюардесса. Она собрала личные счетчики и раздала снотворное. Многие взяли, но я отказалась – я вообще не люблю таблеток и, уж конечно, не буду глотать препарат, который вырубит меня на самом интересном месте. Стюардесса настаивала, но я не сдавалась. Наконец она пожала плечами и отошла. Потом случилось еще три-четыре приступа острой клаустрофобии (или истерических припадков, я не знаю). Со всеми справились быстро и без суеты и шума, и вскоре убежище затихло, если не считать храпа, нескольких голосов и неумолчного рева младенцев.

В первом классе детей немного, а младенцев нет вовсе. Во втором – детей достаточно, а уж третий прямо кишит ими, и в каждой семье, похоже, есть хотя бы один младенец. Оно и понятно: почти весь третий класс – это земляне, перебирающиеся на Венеру. Земля настолько перенаселена, что человеку с большой семьей эмиграция вполне может показаться наилучшим выходом. И тогда он подписывает трудовой контракт, а Венерианская корпорация оплачивает перелет в счет будущего заработка.

Что ж, наверное, можно и так. Им нужно уехать, а Венере нужны люди – в любом количестве. Но я очень рада, что Марсианская Республика не субсидирует въезд, иначе бы нас затопило. Конечно, мы принимаем иммигрантов, но они должны сами оплатить перелет и оставить в совете ДЭГ обратные билеты, причем деньги за них не выдаются раньше двух марсианских лет.

И это правильно. По крайней мере треть иммигрантов, которые приезжают на Марс, не могут адаптироваться. Они тоскуют по дому, чахнут и наконец используют эти обратные

билеты, чтобы вернуться на Землю. Не могу понять, чем может не понравиться Марс, но если так получилось, пусть уж лучше улетают.

Так я и лежала, думала о разном, немножко скучала, немножко волновалась и удивлялась, почему никто не займется бедными крошками.

Свет погас, и, когда кто-то подошел к моей полке, я поначалу не разглядела, кто это.

– Подди? – послышался тихий голос Герди. – Ты здесь?

– Похоже на то. Что случилось? – так же тихо ответила я.

– Детей пеленать умеешь?

– Конечно!

Внезапно мне подумалось, как там Дункан... я ведь не вспоминала о нем несколько дней. Может, он забыл меня? И не узнает Бабушку Подди, когда снова меня увидит.

– Тогда идем со мной, подруга. Есть работа.

Еще бы ее не было! Нижняя часть убежища, в четырех рядах от моей ячейки, примыкающая к техническому отсеку, была поделена на четыре части, словно торт. Санузлы, два изолятора – мужской и женский (оба забиты до отказа), – а между изоляторами – жалкая пародия на детскую, кубическое помещение со сторонами по два метра. Три ее стены были увешаны холщовыми люльками с младенцами, да еще часть перехлестывала в женский лазарет. И почти все они орали.

Посреди этого пандемониума две измотанные стюардессы пеленали малышей на узехоньком выдвижном столе. Герди похлопала по плечу одну из них:

– Порядок, девочки, подошло подкрепление. Идите перекусите, да и отдохните немного.

Та, что постарше, посопротивлялась для порядка, но видно было, что они рады отдохнуть. Потом они ушли, а мы с Герди встали по местам и взялись за дело. Не знаю, сколько мы работали (просто не было времени глянуть на часы), но работы было явно больше, чем нас, и мы пытались нагонять. Все же это было лучше, чем лежать в ячейке и глазеть на потолок в паре сантиметров от носа. Хуже всего была теснота. Я все время прижимала локти, чтобы не пихнуть Герди, а с другой стороны в меня упиралась люлька.

Но все равно я не жалуюсь. Конструктору «Трезубца» пришлось попотеть, чтобы разместить максимум людей в минимуме объема, да еще достаточно хорошо экранировать этот объем. Понятно, что заботился он не о гигиене младенцев, а о том, чтобы сохранить им жизнь.

Но малышу-то этого не объяснишь.

Удивительно, но Герди работала спокойно и уверенно, без единого лишнего движения. Никогда бы не подумала, что ей приходилось возиться с пеленками. Но работала она споро и побыстрее меня.

– А где их мамы? – спросила я, подразумевая: «Почему эти лентяйки бросили своих детей стюардессам и добровольцам?»

Герди меня поняла:

– Большинство из них заняты другими своими малышами. Забот полон рот, успокоить и прочее. А еще двое вырубались и отсыпаятся. – Она кивнула на изолятор.

Это была святая правда, и я заткнулась. В индивидуальных ячейках, куда уложили пассажиров, просто невозможно толком обиходить ребенка, и если бы все разом потащили детей сюда, возникла бы неопишуемая пробка. Пожалуй, конвейерная система себя оправдывает.

– Пеленки кончаются, – сказала я.

– В шкафчике должна быть еще стопка. Ты видела, что случилось с лицом миссис Гарсиа?

– Что? – Я присела на корточки и достала пеленки. – Ты, наверное, хочешь сказать – с миссис Роуиер?

– Ей тоже досталось. Но миледи Гарсиа первой попалась мне на глаза. Ее как раз приводили в чувство, и я хорошо все разглядела. Так ты ее не видела?

– Нет.

– Вот подменяют нас – загляни в женский изолятор. Такого изумительного, такого яркого желтого цвета даже на палитре не увидишь, не то что на человеческом лице.

Я так и села.

– Господи! Я видела миссис Роуиер – она ярко-красная, а не желтая. Герди, ради бога, что же с ними случилось?

– Что случилось – ясно, – подумав, ответила Герди, – а вот как – никто не может понять.

– Я тоже не понимаю.

– Цвет говорит сам за себя. Это характерные оттенки водорастворимых пигментов, их применяют в фотографии. Ты что-нибудь смыслишь в фотографии?

– Почти ничего, – ответила я.

Все, что я знала, рассказал мне Кларк, он довольно опытный фотограф. Но разумеется, это следовало держать при себе.

– Ну ты наверняка видела, как фотографируют другие. Вынимаешь из аппарата карточку – на ней твоё фото, только его ещё не видно. Она чистая, как стекло. Окунаешь её в воду и болтаешь там секунд тридцать. Она всё ещё прозрачная. Потом кладёшь её на свет, и картинка начинает проявляться... и, когда цвета наберут яркость, досушиваешь её в темноте. Главное – не переборщить с цветами. – Она хихикнула. – Похоже, эти дамы не сообразили вовремя закрыть лицо и остановить процесс. Наверное, пытались смыть краску и сделали только хуже.

– Все равно не понимаю, как это вышло, – озадаченно сказала я. Я действительно была озадачена. Некоторыми частностями.

– Никто не понимает. Но у доктора есть версия: кто-то сыграл шутку с их полотенцами.

– Что?

– У кого-то на борту был запас несвязанных пигментов. Кто-то пропитал непроявленными, то есть бесцветными, пигментами полотенца и хорошенько высушил в темноте. Потом этот кто-то тайком забрался в их каюты и подменил полотенца в ванных комнатах. Это не трудно, если у человека крепкие нервы: последнюю пару дней обслуживание кают ухудшилось из-за бури. Все полотенца на корабле одинаковые, поди тут догадайся.

«Надеюсь, что не догадаются», – подумала я, а вслух сказала:

– Да, догадаться трудно.

– Конечно. Это могла быть стюардесса или кто угодно из пассажиров. Но откуда взялись пигменты? В корабельном магазине их нет, разве что в пленках. А доктор готов прозакладывать голову, что только специалист-химик, да ещё в хорошей лаборатории, способен выделить краску из пленки. Ещё он говорит, что на Марсе эти пигменты не производятся, значит этот «кто-то» – с Земли. – Герди взглянула на меня и улыбнулась. – Так что ты, Подди, вне подозрений. Не то что я.

Если меня не подозревают, значит и Кларк в безопасности.

– А с чего бы им подозревать тебя? Это же смешно!

– Конечно смешно... будь у меня эти краски, я не знала бы, что с ними делать. Но я могла купить их ещё на Земле, а причин любить этих дамочек у меня нет.

– Я от тебя слова о них не слышала.

– Да, зато они сказали несколько тысяч слов обо мне, а у людей есть уши. Так что меня крепко подозревают, Подди. Но ты не бойся за меня. Я этого не делала, поэтому никто не докажет, что я виновата. – Она хмыкнула. – Надеюсь, настоящего виновника никогда не найдут!

Я едва не сказала: «Я тоже надеюсь!» Знала я одного человечка, способного без всякой лаборатории выделить пигмент из пленки. Я быстро припомнила, что видела во время обыска в каюте Кларка.

Там не было ничего похожего на красители. Даже фотопленки не было.

Но это ровным счетом ничего не доказывает, когда дело касается Кларка. Надеюсь, он был осторожен и не оставил отпечатков пальцев.

Потом пришли две стюардессы, и мы накормили малышей. Мы с Герди кое-как помылись и перекусили на ходу. А после я вернулась на выделенное мне место и мигом заснула.

Должно быть, я дрыхла часа три или четыре и проспала роды миссис Дирксон. Она эмигрирует с Терры на Венеру, и ребенок у нее должен был появиться после перелета, но волнение ускорило ход событий. Как бы то ни было, начались схватки, ее отнесли в этот крохотный изолятор, а доктор Торланд, едва взглянув, велел нести ее в центр управления – потому что центр управления был единственным местом в защищенной зоне, где они могли расположиться.

Там ребенок и родился – на палубе центра управления, между сейфом для карт и компьютером. Доктор Торланд и капитан Дарлинг были крестными отцами, а старшая стюардесса – крестной матерью. Малышку назвали Радиантой – так себе каламбур, но имя красивое.

Прямо в центре управления для Радианты сотворили инкубатор, а миссис Дирксон отправили в изолятор и кольнули ей снотворное. К этому времени я и проснулась.

Я решила рискнуть, рассудив, что капитан сейчас помягче, чем обычно, и сунулась в центр управления:

– Можно мне взглянуть на ребеночка?

Капитан сперва рассердился, но потом усмехнулся и сказал:

– Ладно, Подди. Быстренько посмотри и выметайся.

Я так и сделала. Радианта весит около килограмма и, если откровенно, выглядит так, что невольно подумаешь, стоило ли с нею возиться. Но доктор Торланд считает, что дела ее идут неплохо и со временем она станет красивой и здоровой девушкой, причем будет привлекательнее меня. Надо думать, он знает, что говорит, но для этого ей предстоит здорово потрудиться. Цветом она почти как миссис Роуиер и состоит в основном из складочек.

Конечно, скоро она перерастет это состояние, но пока она точь-в-точь как последняя картинка из премиленького пособия под названием «Чудо жизни» (предыдущие картинки из этой серии еще менее аппетитны). Хорошо, что мы не видим детей, пока они не оформятся для дебюта, иначе бы род человеческий пресекался.

Может, лучше было бы откладывать яйца. Наш процесс размножения далеко не совершенен, и женщины понимают это лучше прочих.

Я пошла вниз посмотреть, не пригожусь ли детишкам постарше. Выяснилось, что нет: их только что покормили, и теперь в изоляторе дежурили одна из стюардесс и молодая женщина, которую я раньше не встречала. Они клялись, что работают всего несколько минут. Но я все равно осталась с ними, лишь бы не лезть на свою полку. Потом попыталась помочь: проверяла младенцев, передавала мокреньких, как только освобождался столик.

Это немного ускорило дело. Потом я достала из люльки маленького кривляку и начала укачивать.

– Я готова, давай его, – повернулась ко мне стюардесса.

– Он сухой, – ответила я. – А может, она. Просто ему одиноко и он хочет, чтобы его приласкали.

– У нас нет на это времени.

– Это еще неизвестно. – Самым неприятным в этом питомнике лилипутов был повышенный уровень шума. Детишки будят и провоцируют друг друга, и децибелы растут в геометрической прогрессии. Конечно, всем им было одиноко и все они были напуганы – я бы на их месте наверняка испугалась. – Ласка детям нужна больше, чем что-либо другое.

– Им всем давали по бутылочке.

– Бутылочка не умеет обниматься.

Она не ответила, просто стала проверять других детей. Я знала, что права: ведь малыш слов не понимает, не знает, зачем он здесь и что случилось. Поэтому он плачет, и его нужно успокоить.

Герди появилась как раз вовремя:

– Могу ли я помочь?

– Конечно можешь. Вот... держи этого.

Минут через пять я завербовала еще трех девушек примерно моего возраста и зацепила Кларка – вместо того чтобы спокойно лежать на койке, он таскался по проходам. Энтузиазма он не проявил, но и не удрал – лучше уж что-то делать, чем скучать.

Больше помощников искать не стоило – им негде было стоять. А работали мы так: две няньки отступили на шаг в изоляторы, а управляющая всем процессом (это я) стояла на крошечном пятачке у трапа, готовая шарахнуться в любой момент и в любом направлении, впуская людей в туалеты и выпуская, конечно. Герди, самая высокая из нас, стояла чуть сбоку и передавала самых плаксивых мне для вынесения вердикта: мокрых – пеленать, а сухих – укачивать, а когда они уснут – обратно в люльки.

В деле разом были самое малое семь малышей, а иногда и целый десяток, потому что при 0,1 g ноги совсем не устают, а ребенок почти ничего не весит. Можно держать по малышу на каждой руке, что мы, кстати, и делали.

Через десять минут наших стараний крик и плач затихли до уровня отдельных всхлипов. Я и не надеялась, что Кларк выстоит до конца, но он держался молодцом. Может, потому, что в нашей команде была Герди? Он укачивал малышей с таким выражением мрачного благородства на лице, какого я раньше не видела, и вскоре даже начал приговаривать «баю-бай» и «спи, малышка, спи», словно всю свою жизнь только этим и занимался. И вот ведь чудо: детишкам он очень нравился, у него на руках они затихали быстрее, чем у любой из нас. Может, он их гипнотизировал?

Это продолжалось несколько часов. Время от времени мы перегруппировывали силы: подходили свежие добровольцы, а те, кто уставал, – отдыхали. Меня тоже разок подменили. Я быстренько перекусила, часок полежала в своей ячейке и снова приняла вахту.

Я пеленала детишек, когда из динамика раздался голос капитана: «Прошу внимания. Через пять минут корабль перейдет в режим свободного полета и наступит невесомость. Искусственное тяготение будет восстановлено, как только мы закончим ремонтные работы на внешнем корпусе корабля. Все пассажиры должны пристегнуться. Экипажу занять места согласно вахтенному расписанию для режима свободного полета».

Я продолжала пеленать малыша – это дело нельзя бросать на полпути. Тем временем убавленных младенцев разложили по люлькам, а команду баюкальчиков разогнали по ячейкам и велели пристегнуться. Вращение корабля заметно замедлялось. В центре корабля вы просто не замечаете один поворот за двенадцать секунд, но, когда вращение замедляется, вы не можете это проигнорировать.

– Подди, беги наверх и пристегнись, – сказала мне стюардесса из моей смены.

– Глупости, Биргит, – ответила я, запихивая высушенного младенца в люльку и застегивая молнию. – Здесь же дел невпроворот.

– Подди, это же приказ! Ты ведь пассажирка.

– А кто будет возиться с малышкой? Одна ты? А что насчет тех четверых, что лежат на полу в женском изоляторе?

Биргит хлопнула себя по лбу, подхватила и понеслась в изолятор. Других стюардесс поблизости не было – все они проверяли ремни у пассажиров, – и загонять меня в ячейку было некому. А когда Биргит вернулась, на нее навалилось столько хлопот, что она больше не напоминала мне о приказе. Она убрала пеленальный столик и принялась закреплять люльки, а я проверяла остальных. Почти все они были открыты – что было вполне логично, когда мы

с ними возились, но теперь их пришлось застегивать. В невесомости застежка-молния пологая на детской люльке так же важна, как ремни у взрослого. Пологи держат детишек плотно, но мягко, только головки остаются свободными.

Я еще возилась с застежками, когда завывла сирена и капитан остановил двигатель.

Мамочка моя! Вот когда начался суший шабаш! Сирена разбудила спавших малышей, перепугала остальных, и все они начали извиваться, как маленькие червячки, и заорали во всю мочь своих легких, а один, над которым я еще не застегнула полог, невесть каким образом выскочил из люльки и уплыл в центр комнаты. Я ухватила его за ножку, но сама оторвалась от пола, и мы поплыли в воздухе, пока не ткнулись в стену. Правда, теперь она была не стеной, а просто препятствием. Невесомость все здорово путает, если вы к ней еще не привыкли. Признаться, я как раз из непривыкших. Ну, или была из них.

Стюардесса ловко схватила нас обеих, сунула неуловимую малышку обратно в ее смирительную рубашку и застегнула молнию, а я в это время старательно цеплялась за опору. Тем временем выпростались еще двое.

На этот раз я управилась получше: цапнула одного и держала, пока Биргит разбиралась со вторым. Она-то чувствовала себя в невесомости как рыба в воде, двигалась плавно, словно балетная примадонна, только вдвое медленнее. Я отметила для себя, что и мне нужно этому научиться.

Я решила, что на этом чрезвычайная ситуация закончилась. Я была не права. Младенцы не любят невесомости. Мало того что она их пугает, главное – у них совершенно отказывают сфинктеры. В основном на это можно было не обращать внимания, но пеленки впитывают далеко не все. И к сожалению, шестерых или семерых малышей недавно покормили.

Вот тут-то я и поняла, почему все стюардессы – дипломированные медсестры: в следующие минуты мы вдвоем спасли от удушья пятерых малышей. Сначала Биргит прочистила горлышко одному малышу, который срыгнул молоко, потом я, посмотрев, как она это делает, помогла второму, она привела в порядок третьего... И так далее.

А потом мы вооружились чистыми пеленками и кое-как почистили воздух. Вот что я вам скажу, милочка моя: если вы думаете, будто пережили самое худшее, когда маленький братик стравил на ваше новое вечернее платье, попробуйте то же самое в невесомости, где все *это* нигде не оседает, а вольно летает, словно дым на ветру. Словом, или вы достанете *это*, или оно достанет вас.

В шести экземплярах. В тесном закутке.

Когда мы вычистили (процентов на 95) наши авгиевы конюшни, нас от макушек до щиколоток покрывало кислое молоко. Тут капитан велел всем приготовиться к ускорению и сразу же врубил тягу. К великому моему облегчению. Явилась миссис Пил, главная стюардесса, и ужаснулась, что я не в ячейке и не пристегнута. Я изящно и вежливо послала ее к черту, правда в более вежливых выражениях, подходящих моему полу и возрасту, и спросила, что сказал бы капитан, если бы двое младенцев задохнулись насмерть из-за того, что я лежала пристегнутая, согласно инструкции. Биргит подтвердила, что я спасла от удушья как минимум двоих малышей, а может, и больше, ей, сами понимаете, было не до счета.

Миссис Пил тут же сменила тон, извинилась передо мной, выразила мне благодарность, глубоко вздохнула, вытерла лоб, пошатнулась. Мы поняли, что от усталости она с ног валится. Впрочем, это не помешало ей перед уходом проверить всех малышей. Вскоре явилась смена, а мы с Биргит залезли в женский туалет и попытались привести себя в порядок. Без особого успеха – переодеться-то нам было не во что.

Сигнал отбоя вызволил наши души из чистилища, а горячая ванна приобщила к сонму ангелов. Пока на внешнем корпусе проводили ремонт, на палубе «А» проверили уровень радиации и объявили, что она безопасна. Сам ремонт, как я тут же выяснила, был вполне рутинным. Дело в том, что антенны, датчики и некоторые наружные приборы не могут выдержать солнеч-

ной бури, они буквально сгорают, так что после каждой бури приходится выходить наружу в защитных скафандрах и их заменять. Это обычное дело, вроде замены перегоревших лампочек в люстре, но те, кто этим занят, получают такие же премии, как и «охотники», – ведь старина Сол может чихнуть напоследок и испепелить их.

Я отмокала в теплой, чистой воде и вспоминала, как настрадалась за последние восемнадцать часов. Все было позади и потому выглядело не так уж плохо.

Лучше уж страдать, чем скучать.

Глава 9

Мне уже двадцать семь лет.

Венерианских, конечно, но так лучше звучит. Все, изволите ли видеть, относительно.

Но даже за тысячу лет неувядаемой молодости я не согласилась бы жить на Венере. Венусбург похож на рукотворный кошмар, а его окрестности еще хуже. Я там видела не так уж много, но, честно говоря, больше и не хочется. Просто диву даюсь, почему эта мрачная, задущенная смогом планета носит имя богини любви и красоты. Здорово похоже, что ее слепили из мусора, который остался после сотворения Солнечной системы.

Не думаю, что я вообще нос высуну за пределы Венусбурга, разве что посмотреть фей в полете – очень хочется. Единственная фея, которую я пока видела, стоит в холле местного хилтона, где мы обитаем. Чучело, сами понимаете.

Венера оказалась для меня *глубоким разочарованием*, и я теперь считаю дни до отлета на Землю. Молюсь, чтобы Земля не оказалась такой же. Наверное, мне там понравится: есть что-то волнующе первобытное в том, что там можно выйти под открытое небо даже без кислородной маски. Дядя Том говорит, что в Средиземноморье (это такой океан в La Belle France) земляне купаются вообще без одежды, не говоря уже об изолирующих костюмах или масках.

Я бы так не смогла. Я вовсе не стесняюсь своего тела, люблю хорошенько попотеть в сауне, как и любой марсианин, но купание в океане меня до жути пугает. Ни за что бы не полезла туда, где глубже, чем в ванне. Я однажды видела, как ранней весной из Большого канала выудили утопленника. Говорят, перед кремацией его долго размораживали, чтобы кремировать.

Я слышала, что на Средиземноморье воздух прогревается до температуры человеческого тела, а вода лишь не намного холоднее. Пусть так, но Подди Фрайз все равно по-глупому рисковать не будет.

Тем не менее Земля фантастична, невероятна, и мне не терпится посмотреть на нее поближе. Я вдруг обнаружила, что самые яркие мои впечатления о Терре имеют в своей основе сказку о стране Оз. Не самый надежный источник, да. То есть Дороги беседует с Волшебником – это очень поучительно, но фактической информации маловато. В детстве я, помнится, верила каждому слову о стране Оз, но сейчас-то я уже не маленькая и здорово сомневаюсь, что смерч – надежное транспортное средство, а также что бывают железные дровосеки и дороги из желтого кирпича.

Другое дело – тик-токи. Их часто можно встретить в Марсополисе, их там используют на разных простых и скучных работах. Конечно, они не совсем такие, как в стране Оз, и их никто не называет тик-токами, кроме детей, но они достаточно похожи, чтобы убедить, что сказка о стране Оз, как минимум, основана на реальных фактах, а то и правдива до последнего слова.

И я верю в Голодного Тигра, потому что видела его собственными глазами. Он жил в муниципальном зоопарке Марсополиса, калькуттский клуб «Кавани» подарил его своим «марсианским братьям». Он всегда смотрел на меня так, словно оценивал мои гастрономические достоинства. Он околел, когда мне было пять лет, и я не знала, радоваться мне или горевать. Тигр, конечно, был очень красивым... но очень *голодным*.

Впрочем, до Земли еще далеко, а на Венере для новичка вроде меня тоже есть на что посмотреть.

Настоятельно рекомендую всем путешествовать в компании дяди Тома. По прибытии на Венеру нас не заставили сидеть в дурацком зале под вывеской «Добро пожаловать» (!), а сразу дали «зеленую линию» – к немалому огорчению миссис Роулер. «Зеленая линия» означает, что никто не сует носа в ваш багаж и никого не интересуют ваши документы: паспорт, медицинская карта, справка Службы безопасности, свидетельство о платежеспособности, свидетельство о

рождении, удостоверение личности и еще девятнадцать глупых бумажонок. Вместо этого нас мигом перебросили со спутника в космопорт на личной яхте председателя правления. На планете нас встретил сам председатель (!), усадил в свой «роллс» и с ветерком отвез нас в хилтон «Тангейзер».

Он даже предложил нам остановиться в его официальной резиденции («коттедже», так по-венериански называется дворец), но сделал это, похоже, лишь из вежливости. Как бы то ни было, дядя Том саркастически поднял левую бровь и сказал:

– Мистер председатель, даже если вы хотите меня подкупить, вы же не хотите, чтобы об этом узнали все?

Мистер председатель вовсе не обиделся, он громко рассмеялся, и живот его заходил ходуном, как у Санта-Клауса. (Кстати, он здорово похож на него: есть и борода, и пунцовые щеки, и смеется он часто. Вот только глаза у него при этом остаются холодные.)

– Сенатор, – сказал он, отсмеявшись, – как вы могли так плохо обо мне подумать? Я буду действовать тоньше, через молодую леди, например. Мисс Подкейн, вы любите бриллианты?

Я честно ответила, что не очень, потому что все время их теряю.

Он моргнул и обратился к Кларку:

– А ты, сынок?

– Предпочитаю наличные, – ответил мой братец.

Председатель снова моргнул и больше ничего не говорил.

Водителю своему он тоже ничего не сказал, когда дядя Том отверг предложение поселиться в «коттедже», – мы так и летели, никуда не сворачивая, до самого хилтона. Так что я думаю, он и не ожидал, что мы согласимся.

Я начинаю понимать, что для дяди Тома это вовсе не увеселительная поездка... эмоционально осознавать то, что раньше понимала только умозрительно. То, что дядя Том не просто лучший игрок в пинокль Марсополиса, иногда он играет и в другие игры, где ставки гораздо выше. Честно признаюсь – все это выше моего понимания, да и информации у меня маловато. Я знаю только, что вскоре откроется конференция Трех планет, но это всякому известно.

Вопрос: а не замешан ли в этом дядя Том? Как консультант или как-то еще? Надеюсь, что нет, иначе нам предстоит не одну неделю кантоваться на Луне. А я не хочу попусту торчать на скучном шарике космического шлама, когда меня ждут все чудеса Терры. Ведь одну меня туда дядя, ясно дело, не отпустит.

Кстати, о Кларке: надеюсь, он шутил, отвечая председателю. Ведь не продаст же он, в самом деле, родного дядю за деньги. С другой стороны, к деньгам он относится очень серьезно. Я должна об этом крепко подумать...

Одно утешение: тот, кто сунет Кларку взятку, обнаружит, что мой братец вместе с деньгами отхватил и руку по локоть.

Похоже, наш номер в «Тангейзере» тоже своего рода взятка. Я уже не знаю, платим ли мы за него, а дядю Тома спрашивать неудобно. Одно я знаю точно: слуги, которые нас обслуживают, не берут чаевых. Вообще. Хотя в свое время я дотошно разузнала, как полагается давать чаевые на Венере и на Земле, чтобы не ошибиться, когда придет время, и у меня сложилось впечатление, что на Венере чаевые берут все и всегда. Даже церковные служки и кассиры в банках.

А «наши» слуги не берут ни гроша. По пятам за мной ходят две куколочки с янтарной кожей – совершенные близнецы. Они бы меня и в ванной купали, если бы я позволила.

Обе говорят по-португальски, а орто не понимают. К сожалению, на португальском я пока научилась произносить только «прига-прига» (что означает «спасибо») и не в силах объяснить им, что вполне могу одеваться и раздеваться без посторонней помощи. Кроме того, я толком не знаю, как их зовут, – обе они откликаются на имя Мария.

Надо бы как-то выяснить, правда ли, что они не знают орто. Об этом я тоже должна крепко подумать.

На Венере два официальных языка: португальский и орто, но в первый же час я услышала как минимум языков двадцать. Местный немецкий звучит так, будто у человека удавка на шее, французский ярко иллюстрирует кошачью драку, испанский похож на патоку, которая, густо булькая, вытекает из кувшина, а кантонский... представьте себе человека, который поет Баха, а сам терпеть его не может.

К счастью, все здесь говорят еще и на орто, кроме Марии и Марии. Возможно.

Я могла бы всю жизнь обходиться без такой роскоши, как личные горничные, но честно признаюсь: этот номер доставляет массу удовольствий простой, неизбалованной марсианской девчонке по имени Подди Фрайз. Здесь стоит сказать, что мне предстоит проторчать в нем еще не один день. Доктор Торланд, врач «Трезубца», успел сделать мне кое-какие прививки для Венеры – неприятный момент, о котором я бы предпочла не упоминать, – но, как выяснилось, далеко не все, что нужно, чтобы выехать за город и еще больше – чтобы просто выйти в город. Как только я вошла в наш номер, появился местный эскулап и начал разыгрывать партию у меня на спине. Красные начинают и ставят мат в пять ходов. Другими словами, через три часа на мне было десятка три болячек, и все жутко чесались... Ладно, замнем для ясности.

Кларк вовремя смылся и получил свою порцию прививок на следующее утро. Теперь есть надежда, что он не умрет от лиловой чесотки и других гадостей, тем более что судьба явно хранит его для виселицы. А дядя Том и вовсе обошелся без прививок – он вкусил все эти прелести лет двадцать назад. И вообще он говорит, что «тысяча природных мук, наследье плоти»¹² – всего лишь плод воображения.

Словом, на день-два, а то и больше я обречена вкушать все роскошества «Тангейзера». Захоти я выйти за порог, мне придется натянуть маску да еще перчатки. С другой стороны, у нас в гостиной стереозэкран во всю стену, и стоит только пожелать, как на нем появится запись или прямая трансляция из любого театра или клуба Венусбурга. Некоторые «развлекательные» программы – я смотрела их, когда поблизости не было ни Кларка, ни дяди Тома, – изрядно расширили мой кругозор. Я начинаю понимать, что Марс – это, по сути, пуританская культура. А на Венере нет законов как таковых, только инструкции и правила Венерианской корпорации, но они не касаются личного поведения. Я выросла с убеждением, что Марсианская Республика – общество личной свободы, и до сих пор так считаю. Но оказалось, что между марсианской свободой и венерианской – огромная разница.

Венерианская корпорация владеет здесь всем, чем стоит владеть, и контролирует все более-менее прибыльные гешефты. Дела здесь делаются так, что любой марсианский бизнесмен хлопнулся бы в обморок. Но и венерианам, наверное, пришлось бы не по вкусу наши обычаи. Одно я могу сказать точно: некая девушка с Марса тут впервые за много лет покраснела и переключила программу, хотя и не поверила, что такое может быть на самом деле.

Но экран во всю стену – не единственная достопримечательность нашего номера. Чтобы обследовать его целиком, надо запастись пищей и водой, а бассейн такой огромный, что в нем наверняка бывают бури. Моя «личная» ванная побольше иного гостиничного номера, и в ней столько разных штучек, что без инженерного диплома там и рук не вымоешь. Но я все-таки научилась ими пользоваться (и полюбила) и теперь даже удивляюсь: выходит, что я всю жизнь обходилась без элементарных удобств.

До сих пор верхом моих притязаний по этой части был отдельный умывальник. При таком братишке, как Кларк, в пузырьке, где еще вчера был твой лосьон, вполне может оказаться азотная кислота, а то и что-нибудь похуже. Кларк использует ванную комнату в качестве дополнительной химической лаборатории, личная гигиена его нисколько не интересует.

---

¹² Шекспир У. Гамлет. Акт 3, сцена 1. Перевод М. Лозинского.

Но самое дивное в нашем номере – рояль. Нет, милые мои, это вовсе не клавиатура, подключенная к акустике, это настоящий рояль. Деревянный. На трех ножках. Громадный. Грациозный и неуклюжий одновременно. Такой не задвинешь в угол, он предназначен для зала. И внутри все без обмана: стоит приподнять крышку – и вам откроется сияющая арфа и весьма сложный механизм.

Думаю, на всем Марсе есть только четыре настоящих рояля. Один стоит в музее и, наверное, сломан – на нем никто не играет. Второй – в Академии Лоуэлла, но внутри у него вместо струн электроника, и он звучит совсем как настоящий. Третий – в Розовом доме (будто у президента есть время музицировать!). Четвертый – в Зале изящных искусств, на нем иногда играют заезжие знаменитости, хотя сама я ни разу не была на таких концертах. Появись на Марсе пятый рояль, об этом долго бы трубили в новостях.

«Наш» рояль сделал человек по имени Стейнвей. Наверное, у него ушла на это вся его жизнь. Репертуар у меня бедный, лучше всего выходят «Палочки для еды». Этот опус я и исполняла, пока дядя Том не попросил меня остановиться. После этого я его наглухо закрыла, и клавиатуру и крышку: мне не понравилось, как Кларк смотрит на рояльную механику. Я мягко, но твердо пообещала переломать ему во сне руки, если он хотя бы пальцем дотронется до рояля. Именно так. Вежливо, но твердо. Он сделал вид, что не слышит, но я-то знаю, что говорила не в пустоту. Этот рояль служит музам и не должен стать жертвой нашего Маленького Архимеда.

Что бы ни говорили электронщики, разница между «роялем» и *настоящим* роялем огромна, пусть даже их глупые осциллографы показывают, будто звук у них одинаковый. Одно дело – закутаться в сорок одежек, и совсем другое – забраться на колени к Па и согреться по-настоящему.

Я не все время сидела под домашним арестом, я побывала в казино с Герди и Декстером Куньей. Декстер – родной сын мистера Курта Куньи, председателя правления. Кстати, Герди собирается остаться на Венере, и это очень меня огорчает.

Я спросила ее:

– Почему?

Мы с ней сидели вдвоем в гостиной нашего дворца. Герди тоже живет в «Тангейзере», но она сняла весьма скромный номер, он чуть больше ее каюты на «Трезубце». Я от большого ума пригласила ее к нам и только потом сообразила, каково ей было смотреть на весь этот блеск и великолепие. Но я хотела, чтобы она помогла мне одеться. Дело в том, что я теперь должна носить – брр! – кучу ортопедических штучек. В туфлях у меня – супинаторы, тут и там – разные уплотнители, чтобы я не растеклась в стороны, как амеба. Я умолчу, как их называет Кларк, он невоспитанный грубиян, невежа и вообще варвар.

Я все это терпеть не могу. Но при 0,84 g мне без них не обойтись, потому что упражнения, которыми я изнуряла себя на «Трезубце», помогли мало. Одно это вполне может отшибить охоту жить на Венере и на Земле, будь они даже столь прекрасны, как наш Марс.

Герди помогла мне надеть эту сбрую. Кстати, именно она и купила ее для меня. Но сначала она заставила меня сменить макияж, а ведь я в точности скопировала его из последнего номера «Афродиты».

– Иди умойся, Подди, – сказала она, едва глянув на меня, – а потом начнем все сначала.

Я надула губы и сказала:

– Не буду.

С первых же шагов я заметила, что на Венере все женщины раскрашены, как «краснокожие индейцы», которые стреляют в «славных ребят» в кино. Даже Мария и Мария на работе носят втрое больше макияжа, чем мама на званом ужине (на работе она вообще не пользуется косметикой).

– Подди, Подди, ну будь же умницей!

– Я и так умница. Меня с детства научили, что воспитанные люди все делают так, как местные жители. А ты сама? Посмотри-ка в зеркало!

На Герди был макияж в радикальном венусбургском стиле – совсем как у моделей в моем журнале.

– Я знаю, как выгляжу. Но я вдвое старше тебя, и никто не поверит, будто я молода, нежна и невинна. Оставайся собой, Подди, никогда никем не прикидывайся. Вспомни миссис Грю. Она толстая пожилая дама, но с ней приятно, потому что она не корчит из себя кошечку.

– Ты хочешь, чтобы меня приняли за какую-нибудь деревенщину?

– Я хочу, чтобы тебя приняли за Подди Фрайз. Давай-ка попробуем найти золотую середину. Конечно, здесь даже девочки твоего возраста носят больше косметики, чем взрослые женщины на Марсе, поэтому предлагаю компромисс. Вместо того чтобы размалевывать тебя под венусбургскую шлюху, мы сделаем из тебя юную леди из хорошей семьи, прекрасно воспитанную, много путешествовавшую, терпимую к любым обычаям и нравам и настолько уверенную в себе, что гримасы местной моды оставляют ее совершенно равнодушной.

Должна признать, Герди – истинный художник. Она начала с чистого холста и возилась со мной больше часа, а когда закончила, на мне вообще не было заметно никакого макияжа. Зато было заметно вот что: я стала года на два старше, если считать по-марсиански, а по-венериански – на все шесть. Лицо стало тоньше, куда-то подевалась курносость, откуда-то взялось очаровательное выражение легкой усталости от всего мира. Глаза сделались огромными.

– Ну как, довольна? – спросила Герди.

– Я же стала красавицей!

– Да, красавицей, потому что осталась Подди Фрайз. Я всего лишь проявила те черты, которые и сами по себе проявятся довольно скоро.

Мои глаза наполнились слезами, и нам пришлось срочно их смывать, а потом она восстанавливала ущерб.

– Теперь, – бодро сказала Герди, – нам не хватает только дубинки. И еще твоей маски.

– Разве можно портить все это маской?! А дубинка зачем?

– Чтобы отбиваться от богатеньких акционеров, которые будут кидаться к твоим ногам. А маску надень, иначе мы никуда не пойдем.

Мы сошлись на компромиссе. Я согласилась надеть маску на то время, пока мы не доедем до казино, а Герди пообещала исправить все, что смажется, и обучать меня до тех пор, пока я сама не научусь рисовать это прекрасное лживое лицо. Считается, что в казино можно обходиться без маски: там воздух не просто отфильтрованный и кондиционированный, а свежевостановленный, без каких-либо следов пылицы, вирусов, коллоидной взвеси и всего прочего. Это делается потому, что в большинстве своем турист не хочет ставить себе кучу прививок, без которых на Венере нельзя жить, а Корпорация не хочет выпускать туриста из своих лап, не выжав его до последней капли. Поэтому хилтоны и казино стерильны, а турист может купить полис медицинского страхования от Корпорации за очень небольшую сумму. Вскоре он обнаруживает, что может обменять свой полис на игральные фишки в казино. Я так поняла, что Корпорации почти не приходится платить по этим полисам.

Даже в закрытом такси Венусбург лезет в глаза и уши. Я уважаю свободу предпринимательства, как, впрочем, и все марсиане; это одна из основ нашей жизни и основная причина того, что мы ни в какую не желаем объединяться с Землей (и вечно быть в меньшинстве – один к пятистам). Но одно дело – свобода предпринимательства, и совсем другое – слепить и глушить человека, едва он выйдет за порог. Магазины здесь никогда не закрываются, как, впрочем, и все остальное, и стереореклама залезает в такси, плюхается к вам на колени и вопит прямо в ваши уши.

Не спрашивайте меня, как они это делают. У инженера, который ее изобрел, наверняка были рога и хвост. Красный чертик метрового роста возник между нами и переборкой, отделяющей водителя от пассажиров, и начал тыкать в нас своими вилами.

– Все пьют «Хай-хоу»! – завизжал он. – Умиротворяющее! Всепроникающее! Потрясающее! Кайфуй с «Хай-хоу»!

Я в испуге забила в угол.

– Ради бога, уберите это, – сказала Герди водителю.

Водитель обернулся. На мгновение чертенок истаял до розового призрака, а его визг упал до шепота.

– Не могу, мадам. Рекламное место оплачено.

Чертенок восстановился и снова завизжал в полную силу.

Тут я кое-чему научилась по части чаевых. Герди достала из кошелька бумажку и показала водителю. Ничего не изменилось. Она добавила еще одну – чертик начал таять. Герди передала деньги водителю через щель в переборке, и больше нас никто не беспокоил. Выцветший призрак чертенка еще какое-то время маячил перед глазами и что-то шептал, пока его не сменил другой шепчущий призрак, но теперь мы могли разговаривать. Гигантские рекламные монстры снаружи были куда более грохочущими и слепящими. Не понимаю, как наш водитель умудрялся вести такси сквозь этот хаос. Машин было много, все они двигались куда попало и неслись как на пожар. И наше такси тоже всюду несло и маневрировало, резко меняя то полосу, то направление, то высоту. Как будто мы мчались с умирающим в госпиталь, наперегонки со смертью.

Когда мы плюхнулись на крышу казино «Дом Педро», Смерть, по моим ощущениям, отставала от нас не больше чем на полкруга.

Потом мне объяснили, почему они так носятся. Почти все таксисты работают на Корпорацию, но они работают сдельно, а не на окладе. Каждый день он «зашибает» определенную сумму для Корпорации, а все, что заработает сверх того, делит с Корпорацией пополам. Вот они и гоняют как сумасшедшие – сперва, чтобы побыстрее закрыть норму, а потом, чтобы побольше заработать самому.

Дядя Том говорит, что на Земле такие же порядки, только там вас обдирают один раз в год, и называется это подоходным налогом.

В Ксанадупуре чудо-парк
Велел устроить Кубла-хан...¹³

Это сказано про казино «Дом Педро». Роскошь. Великолепие. Экзотика. «ВСЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ», – написано над входом. Вполне возможно – если верить тому, что я слышала. Правда, мы с Герди побывали только в игорных залах.

В жизни не видала столько денег!

Игроков встречала надпись:

ПРИВЕТ, НОВИЧОК!
Здесь играют честно,
Мы только берем процент со стола,
И ТЕБЕ НАС НЕ ОБЫГРАТЬ!
Так что заходи и развлекайся
(Пока мы тебя в этом убеждаем),
Принимаем чеки и все виды кредиток.
Бесплатный завтрак и доставка в хилтон,

---

¹³ Колридж С. Т. Кубла-хан.

Когда ты все промотаешь.

Твой добрый хозяин,

ДОМ ПЕДРО

– Герди, Дом Педро существует на самом деле? – спросила я.

Она пожала плечами:

– Он наемный работник, и это не настоящее его имя. Но на вид он как настоящий император. Я покажу тебе его. Можешь с ним познакомиться, и он поцелует тебе руку. Если, конечно, тебе нравятся такие вещи. Давай пойдем.

Она пошла к столику с рулеткой, а я на ходу пыталась разглядеть все разом. Мне показалось, что я попала в калейдоскоп: красиво одетые люди (в основном служащие казино), разнообразно одетые люди, от вечерних костюмов до спортивных шорт (в основном туристы), яркий свет, громкая музыка, звон, щелчки, шелест карт и шуршание шелка, роскошные портьеры, вооруженная охрана в опереточной форме, подносы с выпивкой и закусками, лихорадочное возбуждение и деньги повсюду... И тут я встала как вкопанная, Герди тоже пришлось остановиться. За столом в форме полумесяца сидел мой братец Кларк, перед ним лежали высокие стопки фишек и солидная пачка банкнот, а очень красивая леди сдавала карты.

Хотя что тут удивительного? Если вы думаете, что шестилетнему мальчишке (или восемнадцатилетнему мальчишке, по здешнему счету) не разрешат играть в венусбургском казино, значит вы никогда не были на Венере. В Марсополисе на этот счет строго, а здесь, чтобы сделать ставку, нужно только:

а) быть живым;

б) быть при деньгах.

Не нужно даже знать ни португальский, ни орто, ни какой-либо другой известный язык; пока вы можете кивать, подмигивать, ворчать или шевелить усиками, они примут вашу ставку. И последнюю рубашку тоже примут.

Да, удивляться не стоило. Кларка тянет к деньгам, как железо к магниту. Теперь понятно, куда сорвался в первый же вечер и где провел большую часть времени.

Я подошла к нему и похлопала по плечу. Кларк не торопился оборачиваться, зато невесть откуда, словно джинн из лампы, возник некий субъект и схватил меня за руку. Кларк объявил «пас» и обернулся:

– Привет, сестренка. Все в порядке, Джо, это моя сестра.

– В порядке? – недоверчиво переспросил субъект, не отпуская мою руку.

– Да-да, все нормально. Она не опасна. Познакомься, Подди, это Жозе Мендоса, полицейский Корпорации. Я нанял его на этот вечер. Привет, Герди! – Голос Кларка внезапно радостно зазвенел. Разумеется, при этом он не забыл распорядиться: – Джо, сядь на мое место, последи за игрой. Герди, вот здорово! Хотите сыграть в блек-джек? Можете занять мое место.

(Ну, дорогие мои, если это не любовь, то какая-то тяжелая форма лихорадки!)

Герди вежливо отказалась, сказав, что собирается попытать счастья в рулетку.

– Можно я помогу вам? – с надеждой спросил мой братец. – В колесико мне тоже везет...

Герди все так же вежливо объяснила, что ей не нужна помощь, потому что у нее своя система, и пообещала подойти к нему позже вечером. Герди удивительно терпелива с Кларком. Я бы...

Хотя, если хорошенько подумать, она удивительно терпелива и со мной.

Если у Герди и была какая-то система игры в рулетку, она себя никак не проявила.

Мы отыскиали два места рядом, и Герди предложила мне несколько фишек. Я сказала, что не хочу играть, но Герди объяснила мне, что в таком случае мне придется освободить место. Я вспомнила, что делают с моими бедными ногами 0,84 g, купила полдюжины фишек и начала повторять за ней: ставить по маленькой то на оба цвета, то на «чет» и «нечет» разом. Ставя таким образом, не выигрываешь и не проигрываешь, правда время от времени шарик

останавливается на «зеро», и вы теряете обе фишки. Это тот самый «процент со стола», о котором предупреждала надпись.

Крупье видел, что мы делаем, но не возражал: мы действительно играли, и мы не выходили за рамки правил. То и дело перед нами мелькали подносы с выпивкой и закусками, оказалось, что для играющих все это абсолютно бесплатно. Герди выпила бокал вина. Я не прикасаюсь к алкоголю даже в свои дни рождения и, уж конечно, не собиралась пить «Хай-хоу». Я заказала стакан молока (за ним специально куда-то сходили) и несколько сэндвичей. Чаевых я дала столько же, сколько и Герди.

Мы просидели там больше часа, и я опережала Герди на три или четыре фишки. Глубоко вздохнув, я откинулась на своем табурете... и выбила бокал из руки молодого человека, что стоял за моей спиной. Его облило с головы до ног, да и мне немножко перепало.

– О господи! – воскликнула я, спрыгнула с табурета и попыталась исправить положение носовым платком. – Мне ужасно жаль!

– Ничего страшного, – поклонился потерпевший. – Это всего лишь содовая. Но ваше платье, миледи, наверное, погибло. Моя неловкость тому виной.

– Малыш, осторожно, – шепнула Герди уголком рта.

– Мое платье? – ответила я. – Это всего лишь дорожная одежда. Если это всего лишь содовая, на нем через десять минут ни пятнышка не останется.

– Так вы издалека? Тогда позвольте после неформального знакомства с обливанием представиться более официально. – И он достал карточку.

Герди слегка нахмурилась, а мне он показался симпатичным. Он был старше меня, но ненамного; ему было лет двенадцать по-марсиански, то есть тридцать шесть местных (потом я узнала, что ему всего тридцать два). На нем был элегантный вечерний костюм, шитый по последней венерианской моде. Знаете – плащ, пышное жабо, тросточка... А еще он носил очаровательные усики.

На карточке значилось:

ДЕКСТЕР КУРТ КУНЬЯ,
акционер

Я прочла карточку, потом прочитала еще раз, затем спросила:

– Декстер Курт Кунья? Вы, случайно, не родственник...

– Родной сын, – ответил он.

– Ой, да я же знаю вашего отца! – воскликнула я и протянула ему руку.

Вам когда-нибудь целовали руку? Мурашки пробегают вверх по руке, по плечам и вниз по другой руке... На Марсе ничего такого не заведено, и это явный недостаток нашей культуры. Впрочем, я любой ценой намерена его восполнить... даже если мне придется нанимать для этого Кларка.

Итак, мы познакомились, и Декстер пригласил нас слегка перекусить и потанцевать в саду на крыше казино, но Герди заупрямилась.

– Мистер Кунья, – сказала она, – конечно, у вас очень симпатичная карточка, но я отвечаю за Подкейн перед ее дядей и предпочла бы посмотреть на ваше удостоверение личности.

На мгновение Декстер застыл, но потом широко ей улыбнулся.

– Мы сделаем лучше, – сказал он и поднял руку.

К нам подошел самый представительный пожилой джентльмен, какого я когда-либо видела. У него были поистине королевские манеры, а на умопомрачительном костюме висело столько медалей, что не сомневаюсь: он победил на всех конкурсах правописания, начиная с первого класса.

– Слушаю вас, акционер, – произнес он.

– Дом Педро, представьте меня, пожалуйста, этим леди.

– С удовольствием, сэр.

Словом, Декстер оказался Декстером, и мне еще раз поцеловали руку. Дом Педро проделяет это с шиком, но у Декстера получается лучше: мне кажется, он вкладывает в это больше души.

Герди настояла на том, чтобы мы взяли с собой Кларка, и Кларку пришлось пережить ужасный момент спонтанной шизофрении: он не мог раздвоиться, ведь он все еще выигрывал. Однако любовь победила, и он отправился на крышу под ручку с Герди, а следом Жозе тащил награбленное. Признаюсь, я даже зауважала своего братца: трата наличных денег на охрану выигрыша должна была породить в его душе еще более глубокий конфликт, чем выход из игры, когда карта идет. Сад на крыше – его называют Бразильским залом – еще шикарнее, чем казино. Потолок имитирует звездное небо с Южным Крестом и Млечным Путем, которых, конечно, никто и никогда с Венеры не видывал. Перед бархатным канатом собралась довольно длинная очередь туристов, желающих войти, но нас это не касалось. «Сюда, если позволите, акционер» – и нас усадили за лучший столик на возвышении рядом с танцполом, напротив оркестра и с прекрасным видом на шоу.

Мы много танцевали, ели такое, о чем я раньше слыхом не слыхивала, и я даже взяла бокал шампанского, но пить не стала, потому что от пузырьков было щекотно в носу. Я бы с удовольствием выпила молока или хотя бы воды – венерианская кухня явно практикует культ специй, – но попросить постеснялась.

Но Декстер наклонился ко мне и сказал:

– Подди, мои шпионы доложили, что вы любите молоко.

– Да, люблю.

– Я тоже, но стесняюсь заказывать, если приходится пить его одному.

Он поднял палец, и невесть откуда появились два стакана молока.

Но я заметила, что свой стакан он едва пригубил.

Я все еще считала, что это происходит как-то само по себе. И тут вышла певица, высокая и смуглая девушка, одетая в цыганский костюм (сомневаюсь, что цыганки так когда-либо одевались, но ее объявили как Цыганка Роза). Она спустилась со сцены и с гитарой пошла вдоль столиков, напевая современные версии популярных песен.

Остановившись у нашего столика, она посмотрела мне прямо в глаза, улыбнулась, взяла несколько аккордов и запела:

Декстер – просто молодчина!

Он порадовал всех нас:

К нам пожаловала нынче

Дорогая Подди Фрайз!

На ней платье голубое.

Туфли блещут серебром.

Пьем за Подди дорогую,

Из бокалов полных пьем.

Выпьем же за Подди, Подди дорогую!

Свет еще не видел милую такую!

Тут все захлопали, Кларк замолотил ладонью по столу, Цыганка Роза сделала мне реверанс, а я прослезилась, но тут же вспомнила, что плакать мне нельзя из-за макияжа. Я промокнула глаза салфеткой, надеясь, что ничего не смазала, а когда проморгалась, оказалось, что на всех столиках волшебным образом появились серебряные ведерки с шампанским, и все, вслед за Декстером, выпили за меня стоя, под барабанную дробь и раскатистые аккорды оркестра.

Я прямо онемела, но у меня хватило соображения не вскакивать вместе со всеми, а остаться сидеть, кивать и пытаться улыбнуться, когда он на меня смотрит... Тут Декстер хватил свой бокал об пол, как в исторических фильмах, и все последовали его примеру, а я чувствовала себя, как Озма, когда она из Типа снова превратилась в Озму, и ежесекундно напоминала себе про макияж.

Чуть позже, когда мне все-таки удалось вернуть желудок на его законное место и когда перестали дрожать коленки, мы с Декстером снова танцевали. Он сказочно танцует, ведет даму твердо и уверенно и не превращает танец в схватку на татами.

– Декстер... – сказала я ему посреди медленного вальса, – признайтесь, ведь вы нарочно пролили свою содовую.

– Признаюсь... А как вы догадались?

– Но у меня же и в самом деле голубое платье и серебристые туфли. Так что это не могло быть случайностью. Все это.

– Сдаюсь, – ухмыльнулся он, ничуть не смутившись. – Ну, разве что чуточку. Сперва я поехал в ваш хилтон, а там битых полчаса копались, прежде чем выяснили, куда и с кем вы поехали. Я был в бешенстве, потому что папе это совсем бы не понравилось... Но в конце концов я вас все же разыскал.

Я попробовала все это на вкус, и мне не понравилось.

– Значит, вы взяли меня развлекать потому, что так велел мистер Кунья. И потому, что я племянница Томаса Фрайза.

– Нет, Подди...

– Расклад выходит именно такой, припомните-ка...

– Нет, Подди. Папа никогда не стал бы поручать мне развлекать дам, ничего такого. Вот если бы вы были у нас в гостях, так сказать, официально и сидели бы за столом слева от меня, тогда – другое дело. Он просто показал мне вашу фотографию и спросил, найдется ли у меня время и желание. Я решил, что найдется. Теперь я вижу, что фотография была так себе, да и чего еще ожидать от слуг в «Тангейзере» – они щелкнули вас, когда вы смотрели в сторону.

(Я решила при случае избавиться от Марии и Марии. Должна же быть у девушки личная жизнь. Хотя, честно признаться, все сложилось не так уж плохо.)

– И когда я все-таки нашел вас, – продолжал он, – я почти вас не узнал. Вы оказались просто ослепительны, никакого сходства с фотографией. Я оробел и не знал, как к вам подступиться. Вот тогда мне и пришла в голову идея спровоцировать аварию. Признаюсь, я долго стоял позади, прислонив этот несчастный стакан чуть ли не к самому вашему локтю; из содовой все пузырьки вышли. А когда вы все-таки шевельнулись, то толкнули стакан так слабо, что мне пришлось самому себя окатить, чтобы создать достаточный повод для извинений.

Тут он улыбнулся самым обезоруживающим образом.

– С вами все ясно, – сказала я. – Однако вы напрасно ругаете фотографию. Это не настоящее мое лицо.

Я рассказала, что со мною сотворила Герди.

Он пожал плечами:

– Тогда я не оставляю надежду, что когда-нибудь вы умоеетесь для меня и я увижу настоящую Подди. Держу пари, я ее узнаю. Кстати, если уж пошло начистоту, авария эта была сфабрикована лишь наполовину.

– Как это так?

– Меня называли Декстером¹⁴ в честь деда по материнской линии, а потом обнаружили, что я левша. Оставалось два выхода: или назвать меня Синистером¹⁵, что звучит не очень хорошо,

---

¹⁴ Dexter (англ.) – правый.

¹⁵ Sinister (англ.) – левый, дурной, зловещий, страшный.

или переучить меня на правшу. Остановились на втором варианте, и в результате я стал самым неуклюжим человеком на всех трех планетах. – Все это он заливал, выписывая со мною изящные восьмерки вальса. – Я всегда что-нибудь проливаю или опрокидываю. Меня очень легко найти по звону бьющегося стекла. Пожалуй, самым трудным для меня было не пролить содовую до нужного момента. – Он опять улыбнулся во все лицо. – Я горжусь, что мне это удалось. А когда меня переделывали в правшу, возник один неожиданный эффект: я стал мятежником в душе. Вы, я думаю, такая же.

– Э-э-э... возможно.

– А я – наверняка. Все ждут от меня, что со временем я стану председателем правления Корпорации, как отец и дед. Как бы не так! Я полечу в космос!

– Ой! И я тоже!

Мы бросили вальсировать и разговорились о космосе и космонавтах. Оказалось, что Декстер собирается стать капитаном исследовательского корабля, как и я. Конечно, я не стала болтать, что мечу в капитаны: не следует говорить мужчинам, тем более открытым текстом, будто вы считаете, что способны на то же, что и они. Декстер собирается поступить в Кембридж, изучить там парамагнетик и дэвисову механику, чтобы быть готовым к тому моменту, когда построят первые межзвездные корабли. Скорее бы!

– Что, Подди, может, сделаем это вместе? На звездолетах полно должностей и для женщин, – сказал он, а я молча кивнула. – Но давайте поговорим о вас. Подди, дело вовсе не в том, что вы выглядели намного лучше своей фотографии.

– Нет? – Я почувствовала легкое разочарование.

– Нет. Понимаете, я все знаю о вашем прошлом. Я знаю, вы всю жизнь провели в Марсополисе. А я побывал везде, где возможно. Я учился в школе на Земле, совершил там кругосветное путешествие, и на Луне побывал, и, разумеется, по всей Венере поездил. Бывал я и у вас на Марсе, вы тогда были совсем еще маленькой. Хотел бы я тогда вас встретить.

– Спасибо... – промямлила я, чувствуя себя бедной родственницей.

– И поэтому я хорошо понимаю, что за гадюшник наш Венусбург и какой шок он вызывает с непривычки, особенно у тех, кто воспитывался в сдержанном и цивилизованном Марсополисе. Конечно, я люблю свой город, но хорошо знаю, чего он стоит, – мне есть с чем сравнивать. Подди? Подди, посмотрите на меня. Так вот, меня совершенно восхитил ваш апломб.

– Апломб? У меня?

– Точнее, изумительное умение держать себя в совершенно чуждой для тебя обстановке. Мистер Фрайз побывал везде, да и Герди, я полагаю, тоже много путешествовала. Большинство приезжих, а это пожилые женщины, моментально теряют голову, оказавшись в злых местах Венусбурга, и ведут себя просто ужасно. А вы держитесь, словно наследная принцесса. Умение держаться – это дорогого стоит.

(Он определенно мне нравится! Когда столько лет подряд слышишь только: «Катись отсюда, малявка!» – и вдруг тебе говорят такое... словом, с женщиной при этом что-то происходит. Я даже не стала задумываться, говорит ли он это всем девушкам подряд. Я просто не хотела об этом думать!)

Мы не стали там долго задерживаться. Герди шепнула мне, что пора вкушать «сон для красоты»¹⁶. Кларк вернулся за карточный стол (Жозе опять появился из ниоткуда в нужный момент. Хотела я приказать Кларку мотать домой, но потом раздумала. Во-первых, «умение держать себя» тут же бы исчезло, а во-вторых, он все равно бы не послушался). Декстер отвез нас в «Тангейзер» на папином «роллсе» (а может, на собственном, кто знает) и на прощание поцеловал нам руки.

---

¹⁶ «Сон для красоты» – короткий дневной сон перед вечерними развлечениями.

Я всю дорогу гадала, поцелует меня напоследок по-настоящему или нет, и решила оказать ему при этом всемерную поддержку. Но он даже не попытался. Может, у них в Венусбурге такого не заведено, не знаю.

Мне хотелось поболтать, и я уговорила Герди подняться ко мне.

– Ой, Герди, – призналась я, забравшись с ногами в кресло, – это был самый чудесный вечер в моей жизни!

– Мне тоже понравилось, – тихо ответила она. – Знакомство с сыном председателя правления мне совсем не повредит.

Тут-то она и объявила, что остается на Венере.

– Но почему, Герди?!

– Потому что я разорена, дорогая. Мне нужна работа.

– Зачем тебе работа? Ты же богата, это все знают.

– Была богата, дорогая, – улыбнулась она. – Но мой последний муж пустил все по ветру. Он был веселым парнем и отличным человеком, не таким крутым бизнесменом, как ему самому казалось. Так что придется бедняжке Герди затянуть пояс и заняться делом, Венусбург – как раз то, что мне нужно. На Земле мне оставалось бы только паразитировать на старых друзьях, рискуя надоесть им до тошноты. Представляешь, такая безвылазная гостья. Конечно, любой из них дал бы мне работу, но я ведь ничего не умею и не хочу становиться объектом благотворительности. Можно было еще забраться в какую-нибудь нору поглубже и сменить имя... А здесь всем на все наплевать, и всегда для всех есть работа. Я не пью, не играю – словом, Венусбург как по мерке сшит для меня.

– Но кем ты будешь работать? – Мне трудно было вообразить Герди кем-нибудь, кроме богатой дамы из высшего общества: ведь слухи о ее приемах и о ее чудачествах докатывались даже до Марсополиса.

– Крупье, я надеюсь, у них и зарплата повыше... и я этому обучалась. Еще могу банкетом за столами, где играют в блек-джек, фараона или железку. Но, скорее всего, придется начинать разменщицей.

– Разменщицей?! Герди... ты же не станешь так одеваться?

– Почему бы и нет. – Она пожала плечами. – Фигура у меня все еще неплохая... а деньги я считаю быстро. Это честная работа, Подди, не лучше и не хуже прочих. Кстати, на подносах у этих девушек часто набирается до десяти тысяч.

Я сообразила, что несу чушь, и заткнулась. Я внезапно поняла, что можно вытащить девушку из Марсополиса, но нельзя вытащить Марсополис из девушки. Все верно: пусть разменщицы носят почти ничего, кроме подносов с фишками, но это, конечно же, честная работа... а у Герди такая фигура, что все младшие офицеры «Трезубца» так и выются вокруг нее кругами, опустив одно крыло. Конечно, она легко могла бы выйти замуж за любого богатого холостяка и до старости жить припеваючи. Но разве не честнее работать? А если так, почему бы ей не использовать с выгодой то, что дала ей мать-природа?

Мы еще немного поболтали, а потом Герди поцеловала меня и строго велела мне отправляться в постель и спать. Лечь-то я легла, но никак не могла заснуть. Конечно, в разменщицах Герди не задержится и вскоре станет крупье... В потрясающем вечернем платье... Она будет копить деньги, откладывая из жалованья и чаевых, и когда-нибудь станет акционером, пусть даже с единственной акцией Венерианской корпорации. И это все, что нужно человеку на Венере для обеспеченной жизни. А я однажды вернусь и зайду к ней в гости, когда уже стану знаменитой.

Может, я должна попросить Декстера, чтобы он замолвил словечко о Герди перед Домом Педро?

Тут мои мысли перетекли на Декстера.

Конечно, никакая это не любовь. Я уже однажды влюблялась и знаю, что это такое. Это... боль.

А сейчас мне просто здорово!

Глава 10

До меня дошел слух, будто Кларк намерен продать меня на черном рынке одному из комиссионеров, которые сотнями отправляют невест колонистам в джунгли. Может быть, это ложь с начала до конца, но слухи ходят.

Больше всего меня бесит, что он, по слухам, предлагает меня по смехотворно низкой цене!

Но, по правде говоря, именно это и убеждает меня в том, что это просто слух, аккуратно запущенный самим Кларком, чтобы позлить меня. Конечно, он вполне способен обречь меня на рабский труд и «постыдное существование», если будет точно знать, что это сойдет ему с рук, но не такой он человек, чтобы поступиться хотя бы истертым пенни в любой грязной сделке. Голову даю на отсечение.

Вероятнее всего другое: Кларк жалеет, что в тот вечер он открылся и вел себя со мной почти как человек, и решил таким образом восстановить наши отношения до нормального здорового статуса холодной войны.

На самом деле, не думаю, что ему сошло бы с рук такое, даже на черном рынке: контракта с Корпорацией я не подписывала, а если бы Кларк умудрился его подделать, в моей колоде есть еще козырной король – Декстер, и братец это знает. Герди просветила меня, что подпольная торговля невестами идет в основном за счет разменщиц, клерков и горничных, которые не сумели урвать мужей в Венусбурге (где недостает мужчин) и поэтому готовы завербоваться в глубинку (где недостает женщин). Сами они довольны и не пищат, а Корпорация смотрит на все это сквозь пальцы. Многие такие невесты – иммигрантки, только что с кораблей. Комиссионеры оплачивают их проезд, но за это выжимают мзду и из самих невест, и из колонистов-женихов. И все довольны.

Но я, признаться, этого не очень понимаю. То есть, на самом деле, я вообще не понимаю, как делаются дела на этой планете. На Венере нет никаких законов, если не считать правил Корпорации. Желаете жениться? Бог в помощь! Найдите кого-нибудь, кто утверждает, что он жрец или священник, и женитесь по любому обряду, правда юридической силы он не имеет, потому что это не контракт с Корпорацией. Хотите развестись? Соберите вещички и делайте ноги, а уж оставлять прощальную записку или нет – ваше дело. На Венере слыхом не слыхивали о незаконнорожденных. Ребенок – это ребенок, он подрастет и начнет работать, а на Венере хроническая нехватка рабочей силы, так что Корпорация не оставит крошку в нужде. Здесь нет запрета ни на полигамию, ни на полиандрию. Всем на это наплевать, а Корпорации – в первую очередь.

Физическое насилие? В Венусбурге это не проходит – он самый охраняемый город в Системе. Кроме того, считается, что преступления против личности плохо влияют на бизнес. Марсополис, например, довольно безопасный город, но в нем есть районы, куда я ни за что не пошла бы в одиночку. Дело в том, что некоторые «песчаные крысы» сильно стукнуты солнцем и не отвечают за свои действия в полной мере. А по Венусбургу можно ходить в одиночку, и единственное насилие, которому я здесь подвергаюсь, – неотвязная реклама.

(Другое дело джунгли. Но и там опасны не люди, а сама Венера. Кроме того, всегда существует вероятность напороться на аборигена, который недавно перехватил крупинку-другую «пыльцы блаженства». Даже маленькие крылатые феи кровожадны, когда нанюхались «пыльцы».)

Убийство? Оно здесь считается очень серьезным нарушением правил. Ваш заработок будет арестован на долгие-долгие годы, чтобы компенсировать убыток, нанесенный внезапным расторжением контракта с погибшим. При этом учитывается средний период трудоспособно-

сти и предполагаемая ценность жертвы для Корпорации. Обсчитывают все это актуарии¹⁷ Корпорации, а у них, как известно, сердец нет, есть только системы циркуляции жидкого гелия.

Поэтому, если вы задумали кого-то убить, не делайте этого на Венере. Выманите жертву на такую планету, где к убийству относятся как к чисто социальному явлению и где вас за него только повесят или типа того. На Венере у этого жанра нет будущего.

Люди здесь делятся на три класса: крупные акционеры, наемные служащие и обширная прослойка, в которую входят акционеры-служащие (такой собирается стать Герди), служащие-предприниматели (таксисты, скотоводы, геологоразведчики, мелкие лавочники и т. п.) и, конечно, будущие служащие – дети, чье образование еще не закончено. И еще есть туристы, но туристов на Венере за людей не держат: они здесь на положении кастрированных бычков. О них заботятся как о любом другом ценном имуществе, но не жалеют.

Гость с другой планеты может быть здесь туристом хоть один час, хоть всю жизнь, смотря по тому, насколько хватит денег. Никаких виз, никаких ограничений, был бы обратный билет. Кстати, получить за него наличные можно только после заключения контракта с Корпорацией, если вы, конечно, подпишете этот контракт. Я бы, например, не стала.

И все же я не могу понять, на чем держится здешняя общественная система. Дядя Том долго и терпеливо объяснял мне это, но потом признался, что сам еще не все понимает. Он называет эту систему «корпоративным фашизмом» и до сих пор не решил, то ли это самая мрачная тирания, то ли самая совершенная демократия в истории человеческой расы.

Он говорит, что условия здесь получше, чем те, в которых пребывают девяносто процентов земного населения, а последние, в свою очередь, живут лучше, чем определенные категории марсианского населения, «песчаные крысы» например. И это притом, что на Марсе никто не голодает и все пользуются медицинской помощью.

У меня это просто *в голове не укладывается*. Правда, теперь я ясно вижу, что раньше судила обо всем исключительно по марсианским меркам. Конечно, в школе нам рассказывали о других планетах, но все это как-то не доходило до моей души. Сейчас я эмоционально постигаю, что есть иные пути... и что люди, которые по ним идут, вполне счастливы. Возьмем Герди. Я могу понять, почему она решила покинуть Землю: там ей солоно пришлось. Она могла бы остаться на Марсе – нам нужны иммигранты такого класса, – но Марс ее не прельстил.

---

¹⁷ Актуарий – специалист по страховым расчетам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.